

Сергей Панюхин

АДВОКАТ
БЕРИНГА

Тверь. 2025

УДК 910.4 (09)
ББК 26.8г (2) д
П 16

П 16 Панюхин С.

Адвокат Беринга : монография / Панюхин С. – Тверь: ООО «ТФП», 170006,
г. Тверь, Беляковский пер., 46, пом. 20, 2025. – 124 с., илл.

Литературный редактор:

Панюхина Е.Е.

*На титульном листе рисунок
заслуженного художника РФ*

Кулемина А.С.

Витус Ионассен Беринг. Об этом мореплавателе написаны десятки научных статей, художественных книг, сняты фильмы. Но до сих пор его личность остается загадкой и вызывает ожесточенные споры у любителей истории. Порой дискуссии приводят к необоснованным обвинениям капитан-командора и его офицеров. Но мореплаватели XVIII века уже не могут сами отстоять свою честь и доброе имя. Поэтому автор берёт на себя роль адвоката, чтобы на основе архивных документов и логики защитить участников камчатских экспедиций от злых нападок. Известные события рассматриваются в непривычном аспекте и заставляют взглянуть на общепринятую трактовку истории с другой точки зрения.

300 ЛЕТ
КАМЧАТСКИМ ЭКСПЕДИЦИЯМ
КАПИТАН-КОМАНДОРА
ВИТУСА
БЕРИНГА



*Bona fides semper praesumitur,
nisi malam fidem adesse probetur (лат.)*
(Если не доказан злой умысел,
всегда предполагается добросовестность)

ОТ АВТОРА

«Он не нуждается в адвокате» – так говорят, когда обвиняемый человек не только ни в чём не виновен, но способен сам за себя постоять. Более того, совершённые им поступки являются лучшей защитой. Казалось бы, эту расхожую фразу можно отнести ко всем легендарным, героическим людям, посвятившим свою жизнь служению Родине. Их авторитет непререкаем. Однако, в 90-х годах XX века, в России появляется мода на пренебрежение к истории страны. Не слишком щепетильные журналисты, режиссёры, писатели обнаружили, что шум, устроенный вокруг известного имени, так же привлекает внимание и к автору эпатажного сочинения, поэтому с воодушевлением принялись соревноваться в глумлении над историческими личностями, забыв, вероятно, афоризм: «Принижая других, выше не станешь».

Жизнь выдающихся людей стали подвергать «ревизии», начиная с времён Ивана Грозного и заканчивая советскими передовиками труда. Внушали зрителям и читателям, что гордиться им в своём Отечестве нечем, что, оказывается, рассказы о славных предках всего лишь пропаганда и наша страна десятки лет восхваляла палачей, тупиц, лжецов и трусов...

Ко второму десятилетию XXI века подобная вакханалия притихла, но всё же остались любители фантазировать и представлять в негативном ключе героев прошлого. Хотя теперь, для безопасности, стараются выбирать тех, кто жил столетия назад. Ведь давно ушедшие люди никак не могут ответить обидчикам и отстоять своё доброе имя.

Досталось даже, окутанным ореолом северной романтики, известным мореплавателям: Витусу Берингу, Мартыну Шпанбергу, Семену Челюскину, Свену Вакселю, Петру Креницыну...

Я много лет серьезно занимаюсь историей камчатских экспедиций, с огромным уважением отношусь к их участникам, сумевшим преодолеть невероятные испытания.

Сегодня эти люди нуждаются в адвокате, поэтому я постараюсь защитить морских офицеров XVIII века от нелепых вымыслов, которые хуже любых штормов обрушиваются на них со стороны недобросовестных сочинителей.

ВРЕДНАЯ МИФОЛОГИЯ

Мы почти всегда получаем информацию, уже переосмысленную другими. Так происходило во все времена: сказки, былины, песни, картины, книги, позже к этому списку присоединились фильмы.

Самое важное в любом произведении – авторский посыл к читателю или зрителю. Не знания, а именно полученные эмоции определяют отношение людей к историческим событиям и каждое поколение обязано сохранять и передавать потомкам рассказы о людях, которыми надо гордиться. Иначе государству не выжить.

Николай Васильевич Гоголь говорил:

«Чтобы победить народ нужно лишить его героев, его памяти, его святых. А потом с этим народом можно делать всё, что угодно».

Любое более-менее значимое событие в обществе всегда обрастало мифами, а Камчатские Экспедиции капитан-командора Беринга – грандиозные географические мероприятия даже по современным меркам, поэтому привлекают к себе внимание творческих людей. К сожалению, работая над статьёй или книгой об экспедициях, большинство использует, как основу, уже опубликованную, переработанную, информацию, зачастую даже не перепроверя её и, соответственно, воспроизводя не только чужие ошибки, но и добавляя собственные. Именно поэтому на учёных-историков ложится колоссальная ответственность за каждое своё слово. Яркий пример: уважаемый историограф Российского императорского флота Александр Петрович Соколов, морской офицер XIX века, в своих трудах о камчатских экспедициях высказал личное мнение об офицерах: Беринг – осторожный, нерешительный, *«мало способный начальствовать»*; Шпанберг – грубый и жестокий, а вот Чириков *«краса и надежда флота, умный, образованный, скромный и твердый»*. Не задумывался Александр Петрович, что его оценка даст направление в работе огромному количеству писателей,

краеведов, историков, журналистов, которые два столетия будут изображать капитан-командора робким и безвольным, а Шпанберга деспотичным и кровожадным – соответственно навязанной характеристике. Будут писать научные работы и популярные статьи, пьесы, романы и повести, ссылаясь на авторитет А.П. Соколова и не утруждая себя исследованием архивов, анализом документов и самостоятельной логикой.

Участники Второй Камчатской экспедиции за десять лет тяжелейшего похода нанесли на карту России 32 000 километров морских границ: побережья Северного Ледовитого океана, Чукотки, Камчатки, Курильских островов. Исследовали морской путь в северо-западную Америку. Первыми прошли из России к Японским островам. Наша страна стала Тихоокеанской державой.

В доброй памяти потомков остались и рядовые участники экспедиции, такие, как матросы Сметанин и Шумагин, плотник Стародубцев, корабельный мастер Кузьмин, штурманы Елагин и Родичев, и руководители экспедиционных отрядов: Беринг, Чириков, Ваксель, Шпанберг, Челюскин, Лаптевы, ... Имена многих сейчас на карте мира. Но, вероятно, некоторым творчески настроенным гражданам героическое прошлое России кажется слишком скучным. Поэтому они начинают заниматься вредной мифологией, т.е. созданием негативного ореола вокруг признанных героев. И это не просто сбор компрометирующих документов, что, в принципе, можно было бы назвать научным исследованием. Зачастую это выдумка чистой воды (вернее – воды грязной).

Когда историю России высмеивают и принижают открытые враги – объяснимо. Им надо внести раздор в наше общество, посеять сомнение, зародить чувство вины за прошлое. Но когда свои, вроде бы патриотично настроенные, авторы топчутся на именах известных и признанных россиянами героев, это похоже на предательство.

Достаточно узкий круг ученых пополняет свои знания, кропотливо работая в архивах. Остальная страна ищет информацию в более доступных и популярных источниках: в журналах и газетах, книгах, фильмах, в интернете. Всемирная сеть многое предлагает своим пользователям по теме экспедиций Беринга, хотя, к сожалению, большинство материалов публикуется с фактическими ошибками: перепутаны имена, географические названия, нарушена хронология. Но это пустяки, по сравнению с тем, что, порой, в погоне за количеством прочтений, исторические события коверкаются до неузнаваемости, герои обесцениваются неумным воображением авторов. Приведу пример такой вредной мифологии: однажды журналист Вера Хохалевская сделала «сенсационное заявление» о судьбе Беринга после высадки на остров:

«...Когда моряки увидели, что земля не соединяется с Большой землей, а Камчатку не видно даже в подзорную трубу, на острове начался бунт. Помощник командора швед Свен Ваксель созвал совет и отстранил Беринга от командования. Великий мореплаватель Беринг умер насильственной смертью. С ним попросту расправились моряки, оказавшиеся выброшенными по вине командора на необитаемый остров. Когда половина команды пакетбота уже погибла от холода и цинги, оставшиеся моряки привязали командора к доске и закопали его в землю живём...»

Журналист Хохалевская ляпнула, а следом за ней сенсацию, слово в слово, повторил писатель Владимир Бахмутов Красноярский, а за ним десятки самодеятельных историков в социальных сетях. И тысячи жителей России, прочитавшие данный опус – поверили, после чего участники великой экспедиции превратились для них из самоотверженных героев в сборище садистов.

Оставим в стороне свободный от предрассудков интернет и обратимся к литературным жанрам. Там возможен некоторый творческий вымысел, фантазия, но при этом на авторов ложится и ответственность за миф, который они создают.

О камчатских экспедициях художественных произведений немного и поэтому особенно обидно за появление в них вредных мифов, тем более, если их тиражируют по-настоящему талантливые люди, как, например, полковник, доктор наук, член Союза писателей РФ, автор 80 книг, лауреат литературных премий **Александр Борисович Кердан**. В его книге «Крест командора» много ошибок, связанных с хронологией событий, но для художественного произведения это допустимо. У романа красивое вступление: о мужестве и героизме, о служении Отечеству, о примере для поколений россиян. И о Беринге там сказано, что он *«был человеком чести и до конца дней сохранил верность присяге и старался по мере сил выполнять свои обязанности»*. Хотя даже в этот короткий и пафосный текст подброшено, как бы невзначай, уточнение, что Беринг *«всегда побаивался моря»*. Читаем роман. Книга о героях, поэтому ждём подвигов и свершений, великих открытий, сделанных сильными людьми, но выясняем, что они потерялись среди подробного описания интриг, любовных страстей, дразг и разборок. Зато на страницах романа есть «вечно больной увалень» капитан-командор Беринг – слабохарактерный, нерешительный, постоянно *«растеряно моргающий короткими белесыми ресницами»*, который к тому же *«с детства неуклюжий и тучный, чувствовал себя надёжно и уверенно только на земле... и особого радения о российских интересах не проявлял»*. Есть заместитель Беринга – «сутулый, долговязый и бледный» Мартын Шпанберг с выпученными «бесцветными рыбьими глазами» и визгливым голосом. Этот Капитан Флота крайне жесток и от него «вреда больше, чем пользы... а экспедиция для него была только способом обогатиться и прославиться». Читатель удивляется непрофессионализму лейтенанта Свена Вакселя: *«Бушевал новый шквал... Ваксель не ожидал такого поворота, растерялся... уверенности, как не бывало, он мертвой хваткой вцепился в мостик и тупо глядел на скалы»*. Участник отряда Чирикова Авраам Михайлович Дементьев представлен агентом Тайной канцелярии, с поддельным документом штурмана. А.Б. Кердан отправляет его с Берингом, чтобы доносить *«кто государевы*

секреты ворует» (в реальности Дементьев начал службу в Охотке за два года до начала второй камчатской экспедиции). Супруга Беринга, Анна Матвеевна, описана жадной и распутной дамой, при каждом удобном случае изменяющей мужу: *«Судачат в острожке об ее полуночных катаниях на тройках с молодыми офицерами экспедиции и чиновниками из местной канцелярии...»*. Единственного положительного героя романа, Капитана Флота Алексея Чирикова, автор зачем-то понижает в звании, называя капитан-лейтенантом, и меняет семейную жизнь: *«Супруга Наталья Петровна теперь рядом, отправилась вместе с ним... захватив детей... родились они перед первым походом, который длился целых пять лет»*. Вероятно, романист слишком увлёкся историческим вымыслом. Потому что, если уж Чириков выведен под настоящим именем, то логично бы вспомнить, что его жену звали Прасковья Яковлевна, с ней Алексей Ильич обвенчался в 1731 году, соответственно, дети не могли появиться в 25-ом.

Витус и Анна Беринг, Мартын Шпанберг, Свен Ваксель, Авраам Дементьев... Известные люди восемнадцатого века выставлены Александром Борисовичем в самом неприглядном свете. Его ничуть не беспокоит, что для таких публичных обвинений нет ни одного документального доказательства. Зачем же он это делает? Для придания сюжету остроты? Но если хочется разбавить роман шпионами, заговорщиками, глупыми командирами и неверными женами, то и персонажи пусть будут вымышленными. Однако, А.Б. Кердан намеренно берёт реальные имена, вероятно полагая, что «скандальные моменты», искусственно прилепленные к узнаваемым личностям, сделают книгу заметнее и она легче будет продаваться. При этом литератор прикрывает свой творческий подход модным ныне оправданием: *«Я оставляю за собой право художника увидеть мир таким, каким я его вижу сам»*. Да... только вот интересно: оставил бы за собой «художник» такое право, если бы капитан-командор Витус Беринг мог его сейчас вызвать на дуэль? Ну, как офицер – офицера.

Уральский автор **Олег Черняк** хорошим литературным языком написал рассказ «**Беринг в Осе**», в котором капитан-командор и его жена пребывают в невероятном смятении. Экспедиция уже на Урале, а они всё не поймут: нужно ли было в неё отправляться?

Мореплаватель с огромным опытом, представлен человеком слабохарактерным, готовым из-за каприза жены нарушить волю Императрицы, бросить на произвол судьбы вверенную ему экспедицию, в подготовку которой вложил массу сил, и подать рапорт об отставке. Неискушённый читатель поверит и запомнит этот миф. Именно миф, потому что такого не было и быть не могло: 1733 год самый безоблачный для экспедиции в организационном плане – архивы хранят рапорты и письма, наполненные уверенностью в успехе мероприятия, а сам капитан-командор ждёт повышения в звании. И какие сомнения могли возникнуть в те дни у Анны Беринг? Она вместе с любимым мужем едет в богатейший край – сказочную Сибирь, имеет привилегированное положение среди других женщин в экспедиции. А кажущаяся нам, из комфортного XXI века, суровая дорога на возках и расшивах – обыденное и совершенно привычное передвижение в восемнадцатом веке. В рассказе автор уверяет читателя, что через полгода после начала экспедиции, семья командора всё ещё не может разобраться в правильности своих действий и решений. И Беринг для тысяч людей уже не волевой и сильный командир, а бесхарактерный и неуверенный в себе человек. А его жена Анна, мать четверых детей, не самоотверженная и преданная подруга, доехавшая с мужем до Охотского моря, а избалованная, сумасбродная и капризная женщина.

После подобного чтения всегда хочется задать авторам один вопрос: какая при написании преследовалась цель? Показать оригинальность своего мышления? Фантазию? Развенчать светлый миф о бесстрашных офицерах? Удалось. Ведь художественные книги рассчитаны не на подкованных историков, готовых дискутировать, а на обычных людей, доверяющих писателю. И чем способнее литератор, тем легче ему верить.

Замечательный драматург **Владимир Фёдоров** в 1985 году написал прекрасную пьесу «Созвездие Марии» – о любви, подвиге и гибели на берегу Ледового моря супругов Прончищевых.



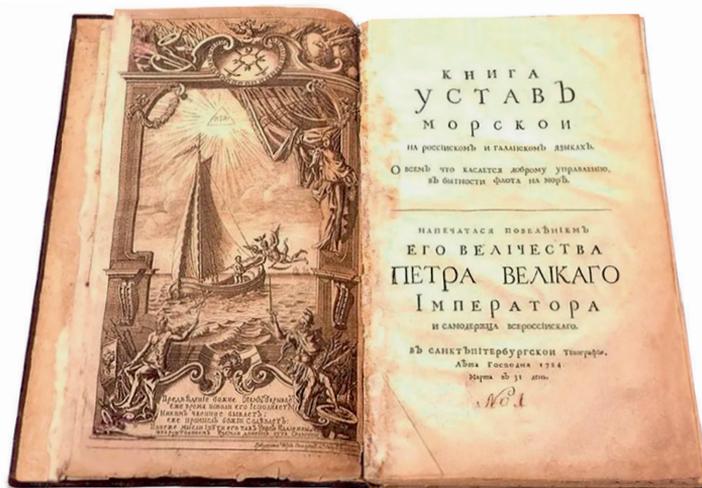
СЦЕНА ИЗ СПЕКТАКЛЯ ПО ПЬЕСЕ В. ФЕДОРОВА
«СОЗВЕЗДИЕ МАРИИ»

По пьесе был поставлен нежный и героический спектакль, чудесный по эмоциям, вызываемым у зрителя. К сожалению, эту талантливую пьесу нельзя назвать исторически верной. Например, автор создал «любовный треугольник»: Василий Прончищев, его супруга и влюблённый в неё Семен Челюскин. Это абсолютный художественный вымысел, так как в действительности Семен Иванович был счастливо женат, а из Якутска в плавание его провожала супруга Аграфена Павловна с детьми. Капитан Флота Мартын Шпанберг почему-то присутствует при смерти Беринга на необитаемом острове, что совершенно не соответствует истине. Кроме того, Шпанберг традиционно предстаёт перед зрителем грубым, жестоким, презирующим всё русское иностранцем. Однако, этот датчанин жизнь свою посвятил служению России, и в реальности его «жестокое» поведение не выходило за нормы, принятые в XVIII веке.

По версии драматурга, казна экспедиции хранилась под походной кроватью её руководителя, и Анна Беринг, с ведома мужа, берёт оттуда деньги для покупки мехов, а ведь это ни что иное, как казнокрадство.

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО
*«Корень всему злу СРЕБРОЛЮБИЕ,
всякий командующий аншеф должен
блюсти себя от лихоимства...
и других от оного жестоко унимать.
Командир, который лакомство великое
имеет, не многим лучше изменника»*

Такой эпизод показывает незнание автором исторической основы: по Морскому Уставу XVIII века рундук с финансами круглосуточно охранялся двумя морскими солдатами, ключи от замка и ответственность за сохранность казны нёс комиссар экспедиции. Любая сумма выдавалась со строгим контролем и записью в расходную книгу.

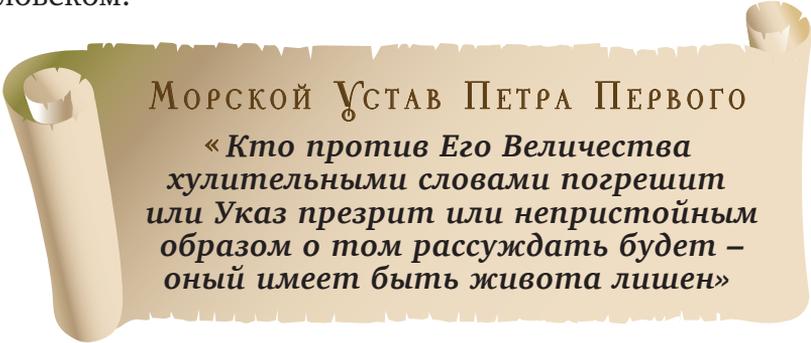


МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО 1720 Г.

Но особенно огорчила в пьесе невероятная для того времени (да и для сегодняшнего!) ситуация: старший офицер Витус Беринг, присягнувший на верность российской Императрице, исполняющий её Приказ, громко и грязно ругается в адрес государыни Анны Иоановны:

«Ну и дура! Отменная дура! Вот что стоит глупую бабу на престол посадить! ... Да неужто она мозгами куриными не дойдет, сколь непросто дела здесь вершить! Дура венценосная! ... Шлюха Биронова!»

Для произведения, претендующего хоть на какую-то историчность, это явный перебор. Такое описание меняет у зрителей не только восприятие исторической эпохи, но и представление о характере легендарного командора, который, по словам очевидцев, был выдержанным и законопослушным человеком.



МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО

*« Кто против Его Величества
хулительными словами погрешит
или Указ презрит или непристойным
образом о том рассуждать будет –
оный имеет быть живота лишен»*

По пьесе «Созвездие Марии» в 2018 году был снят фильм «Первые» (режиссер Дмитрий Суворов). Но если пьеса Фёдорова, безусловно написанная талантливо, трогала людей, и зрители в зале даже плакали, сочувствуя героине, потерявшей мужа в арктическом походе, то фильм «Первые» вызвал растерянность. Ладно, когда перепутаны даты, нарушена последовательность событий, и герои появляются там, где в действительности никогда не бывали. Хуже, если чувствуешь, что создатели фильма к зрителю относятся крайне пренебрежительно. Мол, всё равно никто ничего не знает и для тех, кто в зале, главное, чтобы была, как сейчас говорят – «движуха»: любовь, ревность, побеги, заговоры, драки, поиск сокровищ...

чтобы ошарашенный экранными приключениями зритель глазел на экран и грыз попкорн. Создатели фильма о русских первопроходцах за образец явно взяли фэнтезийный блокбастер «Пираты Карибского моря». А соответствие реалиям России XVIII века в «историческом» фильме «Первые» отодвинуто на десятое место:



– Военные моряки, внешностью и поведением похожие на пиратов.

– Тайное проникновение на военный корабль незамужней Марии, усыпившей лекаря и переодевшийся в украденный у него костюм (не забываем: на экране православная девушка первой половины XVIII столетия).

– Ездовые собаки, одетые в современные нейлоновые шлейки, бегущие по следу от японского снегохода.

– Моряки, погибающие от холода возле густого елового леса.



КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «ПЕРВЫЕ»

И много еще чего... Можно было бы даже посмеяться над этими кадрами, но в случае, когда режиссёр настолько презирует зрителя – не смешно.

От возвышенных переживаний пьесы «Созвездие Марии», пронизанной верой, надеждой и любовью, в фильме «Первые» не осталось и следа. Никто в кинозале не только не плакал, но даже не сочувствовал героям. После просмотра людям запомнился лишь дурной миф.

Увлекательный документальный мини-сериал «Челюскин. Задание Императора» 2023 года (режиссер Андрей Тимощенко, сценарист Валерий Тимощенко). Великолепные съемки северной природы, приключения современных путешественников на Таймыре, интересные комментарии специалистов и погружение в историю. Всё вроде бы хорошо, но... Почему, при объяснении причин гибели командира дубельшлюпа «Якутск» лейтенанта Прончищева, главной гипотезой становится уголовное преступление на корабле?

При вскрытии могилы Прончищевых в 1999 году было обнаружено, что у Василия сломана берцовая кость. Сильный удар в ногу, якобы, произведен дважды. Однако, в бортовом журнале, штурман Челюскин записал, что командир умер от болезни. Такое несоответствие взбудоражило исследователей, дав основание для детективных версий. И создатели

фильма пошли по этому же пути. Обвинения в военно-уголовных преступлениях выстраиваются одно за другим: на корабле возник бунт из-за тяжелых условий и жёсткости Прончищева; на командира напали, ударив его багром или пешней, и этот удар оказался смертельным; штурман Челюскин не сделал запись о бунте и убийстве, желая его скрыть.

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО

«Ежели из рядовых кто в сем деле преступит, то зачинщиков без всякого милосердия, не смотря на то, имел он к тому какую причину или нет, повесить... Все убийцы или намеренные к убийству будут казнены смертно»

Семен Челюскин в фильме открыто назван преступником. Мало того, авторы размышляют, что, вероятно, и жену командира, Татьяну Прончищеву, могли убить, как ненужного свидетеля. Уже двойное убийство! Конечно, подчеркивается, что это лишь версия, тем не менее, эмоционально сильные слова «бунт», «покушение», «убийство», «фальсификация документов» – прозвучали, зародив у зрителей сомнение: можно ли теперь считать команду «Якутска» героями?

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО

«Хотя всем христианам надлежит по-христиански честно жить и не в лицемерном страхе Божьем содержать себя, однако ж военные люди с особой ревностью уважать и внимать должны, потому что Бог в такое состояние их определил, в котором несравненно чаще других они смертному страху себя подвергают...»

Меня в подобных случаях удивляет одно: почему из многочисленных вариантов объяснения событий, авторы выбрали ту трактовку, которая очерняет экипаж легендарного дубель-шлюпа? При этом как-то не учли, что все моряки на его борту давали присягу, были православными, каждый день молились, ходили на исповедь к корабельному священнику.

В качестве альтернативы предлагаю собственную гипотезу. Не криминального характера.

Но сначала опровергну обвинения из фильма:

1. *«Бунт на корабле»*. Если уж бунтовать, то до выхода в море либо в самом начале пути на север. А какой смысл бунта среди льдов, после принятия командиром решения повернуть к берегу?

2. *«Покушение на командира»*. Когда намерены убить, то бьют наверняка, а не по ноге. И после не перевязывают жертве рану бинтом с лекарственным раствором (археологами доказано, что была наложена качественная повязка). И, конечно, избавляются от тела, а не хоронят с воинскими почестями на берегу.

3. *«Причина смерти Прончищева в вахтенном журнале – цинга, однако зубы на его черепе целы. Значит, Челюскин врал»*. В вахтенном журнале за две недели до смерти Прончищева записано: «был очень болен», в день получения травмы «одержим жестокою цинготною болезнью». Но надо помнить, что в XVIII веке «цингой» ошибочно именовали симптомы разных заболеваний.

4. *«Убили жену лейтенанта, чтобы избавиться от свидетеля преступления»*. Но «свидетелями», кроме Татьяны, должно было быть еще 50 человек. Все в сговоре, включая офицеров и священника? При распространенной в XVIII веке системе доносов, при регулярных исповедях в церкви, невозможно, чтобы несколько десятков человек удержали «тайну».

А теперь моя версия событий 1736 года, как адвоката участников камчатской экспедиции:

1. Прончищев был требовательным, но справедливым командиром; служивые его уважали.

2. На «Якутске» царила строжайшая военная дисциплина и порядок. Благодаря хорошей организации за полтора года не погиб ни один член команды. Экипаж установил географический рекорд XVIII века продвижения на север в неисследованных морях.

3. 29 августа 1736 года лейтенант Прончищев на ялботе отправился искать фарватер (это отмечено в вахтенном журнале).

4. Среди льдов произошёл несчастный случай. Можно предположить, что ему зажало ногу между льдиной и бортом лодки (первый удар), а морской солдат, попытавшись льдину оттолкнуть, случайно нанёс Прончищеву второй удар. Сразу в шлюпке, но скорее после возвращения на корабль, ему оказали помощь, наложив на ногу повязку.

5. Лейтенант, понимая невиновность служивого и желая избавить его от наказания, а команду от обязательного длительного расследования, которое предусматривает Морской Устав, приказывает Семёну Челюскину не вносить происшествие в вахтенный журнал.

6. Ни лейтенант, ни лекарь, ни моряки не знали о возможных смертельных последствиях перелома. Эмболия (в результате перелома паталогические частицы (эмболы) попадают в кровяное русло, вызывая гипоксию и гибель органов) развилась внезапно.

7. Так как командир уже давно плохо себя чувствовал – этот факт регистрировался в журнале, Челюскин связал его гибель не с ранением, а с болезнью.

8. Татьяна Прончищева умерла своей смертью от переохлаждения или воспаления легких, которое получила, просидев в тоске несколько дней на ледяном ветру у могилы мужа.

Вот и весь детектив. Нет ни преступника, ни жертвы. Есть профессиональная дружная команда. Есть случайная травма ноги при ледовых работах. И трагическая смерть командира, по искреннему убеждению моряков, от длительного

заболевания, т.к. про жировую эмболию в XVIII веке не знали. Почему бы в фильме не представить эту гипотезу, а не ту, что пятнает честь команды «Якутска»?

Отдельно нужно сказать о мифологии в краеведческой литературе. Казалось бы, здесь мифы могут быть только положительные. Ведь задача таких книг – изучение исторических событий, происходивших в родном крае и воспитание на этих примерах молодёжи. Однако, оказалось, что бывает по-другому: возвеличивая одних, краеведы зачем-то бесосновательно принижают деяния других героев. Для примера возьму книги камчатского писателя **Сергея Ивановича Вахрина** «Покорители Великого океана» и «Встреч солнцу». С восхищением рассказывая о русских купцах и промышленниках, которые в середине XVIII века, следом за экспедицией Беринга, отправились на промысел к Алеутским островам, автор неожиданно приходит к выводу о бессмысленности государственных затрат на камчатские экспедиции и бесполезности их для России, потому что, якобы, именно купечество открывало новые земли:

«Простые и неученые русские мореходы спасали честь экспедиций, затраты на которые многократно превышали результаты. ...И совсем не Беринг и не Гвоздев построили мост Азия – Америка. Не они вбили в него первые, столь дорогие на пустынной окраине, гвозди. Только не их личный пример мог воодушевить остальных.

Беринг был бессилён поднять русский люд своим личным примером» (Вахрин С.И. «Покорители Великого океана»).

Откуда такие уничижительные выводы о морских офицерах? Может быть, в их основе известные доносы в Сенат начальника Охотского порта Григория Скорнякова-Писарева? Или ссыльного капитана-поручика Василия Казанцева, о котором кандидат исторических наук Н.А. Охотина-Линд сообщает: *«Казанцев – психически неуравновешенный человек, посвятивший свою жизнь тому, чтобы доказать правительству ненужность и убыточность Второй Камчатской экспедиции.*

Он писал такое количество пространных доносов, что под конец Сенат отказался принимать у него эти «доношения».

Если Сергей Иванович вдохновлён подобными источниками, тогда, понятно, почему в книгах и статьях этого автора такое концентрированное презрение к капитан-командору Берингу – он и жестокий, и бездарный, и некомпетентный: «мореплаватель заблудился в Тихом океане, погубив значительную часть экипажа, погибшую от цинги, а вторую его часть обрек на выживание на необитаемом острове».

Не в лучшем свете представлен у С.И. Вахрина и Капитан Флота Мартын Петрович Шпанберг – авантюрист, которому безразличны не только люди, но и Указы Императрицы Всероссийской. В книге «Встреч солнцу» Шпанберга гложет зависть, и он мечтает, чтобы Чириков и Беринг сгнули в океане или хотя бы не нашли новые земли, и вот тогда сам он отправится к неизвестным берегам:

«Ни с того ни с сего Шпанберг в нарушении инструкций собирает весь флот экспедиции в устье реки Большой и оставляет их экипажи здесь на зимовку, хотя весь запас провианта находится в Охотском порту, обрекая матросов и офицеров на полуголодное существование. Чего же ждал и, увы, не дождался Шпанберг? Великой миссии первооткрывателя. Вернутся ни с чем пакетботы. А тут он уже готов к новому плаванью и – раз! два!! три!!! – пошёл напрямую открывать Америку».

Цитирую дальше:

«Но его ждало разочарование. Шпанберг был посрамлен. Ему нечем было крыть – остался без всех козырей! – нечем было оправдывать незаконную зимовку и вынужденную голодовку в Большерецке... Готовился ранним летом 1742 года бросить туда (к Америке) свой флот и навечно застолбить свое имя в истории. Не получилось!» (Вахрин С.И. «Встреч солнцу»).

Злобный... Завистливый... Нарушающий приказы... Жажущий славы... Именно так С.И. Вахрин характеризует офицера, который в точности исполнил полученную персональную

Инструкцию Адмиралтейств-коллегии от 28.02.1733 года – исследовать северный путь к Японии: *«Ради изыскания пути к Японии построить на Камчатке-реке один бот с палубою и две дубель-шлюпки... О чем Берингу и капитану Чирикову общо с вами учинить рассуждение... и сделать в тех местах, где запотребнее и довольнее быть может. На тех судах идти вам к тем островам, что пошли от камчатского полуденного Носу к Японии... При проведении оной экспедиции надлежит поступать Вам как благоискусному офицеру благопристойно... Ежели в чём в противность Ея Императорского Величества указов и регламентов и сей инструкции поступите, в том имеете отвечать».*

Замечу, что в 1740 году был издан другой Указ (сейчас в архивах он сохранился в виде Проекта). Суть его: Шпанбергу отправляться к Японии сразу из Охотска, без захода в камчатский Большерецк. Но Указ не вступил в силу, т.к. его авторы, кабинет-министр Артемий Волынский и вице-адмирал Фёдор Соймонов, были обвинены в государственном заговоре и аннулированы разработанные ими проекты. То есть, для Капитана Флота Шпанберга единственным официальным документом оставалась, полученная в 1733 и подтвержденная Адмиралтейств-коллегией в 1739 году, Инструкция.

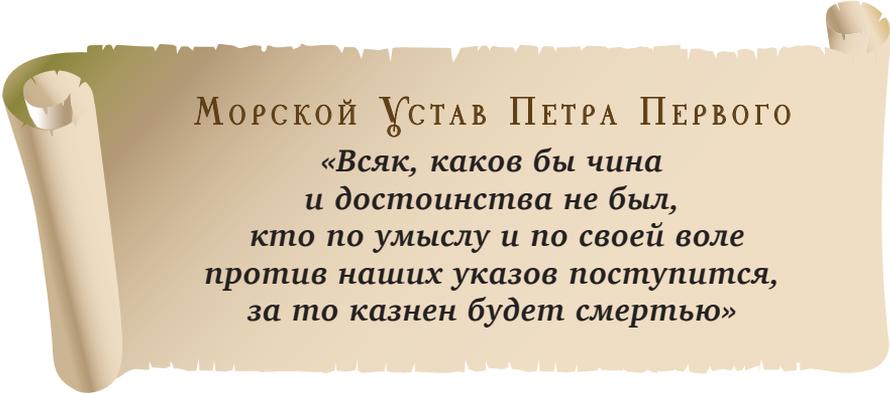
Тогда откуда же, из каких архивов камчатский краевед взял информацию о самостоятельных планах Шпанберга пойти не к Японии, а к американским берегам и для этого перегнать в 1741 году четыре корабля на Камчатку? С.И. Вахрин сам отвечает на данный вопрос: из художественной книги Николая Бушнева «Ясак и пашня».

Действительно, в романе Бушнева читаем: *«Удача Чирикова его (Шпанберга) не радовала... Он ожидал, что Беринг и Чириков, если и вернуться, то ни с чем. Поэтому и собрал на Камчатку весь флот, чтобы в случае их неудачи самому выйти в море... Чувство досады овладело Шпанбергом: «Опять к Японским островам! Я туда, а Чириков в Санкт-Петербург на рапорт в Адмиралтейство за почестями».*

То есть, в документальной книге историк С.И. Вахрин использует авторский, эмоционально-окрашенный, вымысел из художественного произведения! Но ведь Сергей Иванович позиционирует себя серьезным исследователем. Соответственно, можно ожидать, что в будущем какой-либо аспирант, музейный сотрудник или преподаватель истории в своей статье / научной работе / лекции повторит эту выдумку о Шпанберге, со ссылкой на уважаемого «журналиста, члена Союза писателей и Союза кинематографистов, краеведа С.И. Вахрина». И покатаются по России небылицы, т.к. известно, что ложь, произнесённая многократно, воспринимается правдой. Но в реальности не было в 1741 году самолюбивых планов Шпанберга на Америку и его людоедского ожидания гибели Чирикова и Беринга. Ведь к 1741 году о проливе и большой земле напротив Чукотки было уже известно по результатам первой Камчатской экспедиции и сообщениям Гвоздева и Федорова. Эту информацию подробно обсуждали в Адмиралтейств-коллегии в 1738 году и требовалось просто её проверить, о новом открытии речь не шла. Шпанберг сам доставил из Охотска на Камчатку Указ для отряда Беринга – продолжить исследования американских земель летом 1742 года. С содержанием Указа он ознакомился и Алексею Ильичу документ переправил.

Не было и голодовки экспедиционных служащих в Большерецке. Один из четырёх кораблей Шпанберга, отправившихся на Камчатку, полностью загрузили провиантом. А, кроме этого, экспедиция имела сушеную рыбу, закупленную у камчадалов, и оленину. Вот как описывает состояние с продовольствием на полуострове зимой 1741 года лейтенант Ваксель: *«Сушёной рыбой мы могли запастись в нужном количестве у камчадалов, а северные олени уже заранее были закуплены за счет экспедиции. Они находились на пастбище, нагуляли жиру и были в отличном состоянии»* (в 1741/42 гг. у экспедиции в районе Тигильской крепости имелся табун, примерно в 700 голов). А если всё же представить, что волшебным образом фантазии писателя и краеведа сбылись и 300 лет назад

несанкционированный поход капитана Шпанберга к Америке вдруг состоялся, то в итоге ожидал бы его не почёт и награда, а суровое наказание за нарушение Императорского Указа. Мартын Петрович Морской Устав изучал и вряд ли мог желать себе такой судьбы.



МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО

*«Всяк, каков бы чина
и достоинства не был,
кто по умыслу и по своей воле
против наших указов поступится,
за то казнен будет смертью»*

Не соответствующие реалиям умозаключения в книгах, претендующих на историческую документальность, выглядят некрасиво и по отношению к доверчивым читателям и к памяти офицеров, которые опровергнуть домыслы уже не могут.

В научных работах необходимо ориентироваться только на факты, подтвержденные архивными документами. В художественной литературе вымысел возможен, но при этом автор не имеет права бездоказательно очернять известные исторические личности.

Любой стране необходимы возвышенные произведения о подвигах предшествующих поколений, об отважных героях, на которых молодым гражданам захочется стать похожими.

Без правдивых повестей и романов, честных фильмов, проникновенных стихов «о доблестях, о подвигах, о славе» прошлого и настоящего России, наши дети не научатся побеждать страх и сомнения, не вырастут людьми, устремленными к высокой и значимой цели.

Моя книга посвящена руководителю двух Камчатских экспедиций Витусу Берингу. Основываясь на архивных документах, я расскажу о самом командоре и об офицерах, которые служили России рядом с ним. Так как, чтобы лучше узнать человека, надо внимательнее посмотреть на его окружение: на характер и привычки людей, которым он доверял.

КАПИТАН-КОМАНДОР ВИТУС ИОНАССЕН БЕРИНГ (В РУССКОМ ВАРИАНТЕ ИВАН ИВАНОВИЧ БЕРИНГ)

Прежде чем говорить о командоре, хочется представить, **как же он выглядел?**

Десятки лет людям предъявляли портрет очень полного мужчины с одутловатым лицом и вторым подбородком. И уверяли, что это и есть отважный русский мореплаватель датского происхождения Витус Беринг.



ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ПОРТРЕТ
РОДСТВЕННИКА БЕРИНГА –
ДАТСКОГО ПОЭТА XVII ВЕКА
ВИТУСА ПЕДЕРСЕНА БЕРИНГА

Школьники смотрели разочарованно. В их головах не совмещались истории о героических плаваниях и открытиях с рыхлой внешностью пухлого любителя булочек. Но вот в 1991 году российско-датская экспедиция провела археологические раскопки на острове Беринга и обнаружила, по утверждению ученых, могилу капитан-командора. Профессор, судебно-медицинский эксперт Виктор Николаевич Звягин по найденным останкам воссоздал внешний облик моряка и мир, наконец, вздохнул с облегчением. Портрет совпал с представлениями людей о том, каким должен быть мореплаватель XVIII века. Подтянутый человек с мужественным лицом и чётко очерченными скулами.

И тут в научном сообществе закипели споры: а действительно ли раскопаны могилы участников камчатской экспедиции и принадлежит ли найденный череп именно Берингу?

Особенно эмоционально и аргументированно возражает археологам кандидат исторических наук Н.А. Охотина-Линд в своей статье «Где был похоронен Витус Беринг?» («Исторический вестник», 2017 г., том 22). Она уверяет, что захоронения не могут относиться ко второй Камчатской экспедиции, т.к. у похороненных людей хорошее состояние зубов, а известно, что команда «Святого Петра» страдала от цинги – это было зафиксировано в судовом журнале. Наталья Александровна пишет: *«неужели опытные моряки, потерявшие от цинги многих товарищей за годы службы, и обладавший медицинским образованием и опытом Стеллер не видели разницы между цингой и другими болезням?... Никаким чудом у шестерых погребенных не могло быть хороших зубов, если они были членами экипажа «Св. Петра».* Казалось бы, серьезный аргумент. Однако, достаточно почитать книгу А.Г. Бахерахта «Практическое рассуждение о цинготной болезни» (Санкт-Петербург, 1786 г.), чтобы понять – в XVIII веке цингой называли симптомы разных заболеваний (боль в суставах, судороги, отеки ног, воспаления глаз, кашель, желтушность, диарея, фурункулез...), возникающих часто из-за общих с цингой причин: авитаминоз, сырость, холод, антисанитария. Поэтому, если в вахтенном журнале записано «экипаж болен цингой», это совсем не означало, что у моряков начали выпадать зубы. Кроме того, Георг Стеллер, находящийся возле Беринга в последние дни жизни командора, записал позже в своем дневнике: *«Он умер скорее от голода, холода, жажды, паразитов и горя, чем от болезни».* Стеллер ничего не говорил о проблемах с зубами или дёснами. Более того, упоминал, что приносил командору мясо белых куропадок, которых тот с удовольствием ел.

Уважаемая Наталья Охотина-Линд задается другим вопросом: *«К великому удивлению, ни одна из могил некрополя не содержит инвентаря: пуговиц, пряжек, остатков ремней и т.п. Даже нательных крестов всего два на шесть погребений. Похоже, что все эти люди, в том числе и предполагаемый Беринг, были похоронены без одежды. Встает вопрос: мог ли капитан-командор быть похоронен без одежды?»*

Чтобы это понять, снова обратимся к запискам адъютанта Стеллера, сухо фиксирующего на латыни симптомы прогрессирующей болезни Беринга: *constrictiones artuum atoniae... fistula ani... ichorem lividum... sphacelus...*

Теперь, давайте, наберёмся мужества и проявим себя настоящими исследователями – переведём с латыни на русский: воспаление и отёки суставов, свищи в анальном отверстии, кровавый и грязный гной из инфицированных язв, гниение тканей... Стоп. Думаю, достаточно, чтобы представить состояние лежачего больного, долгое время лишённого необходимых лечебных и гигиенических процедур. Беринг, с момента высадки и до самой смерти (месяц!), находился в земляной яме, в последние дни наполовину засыпанный обваливающимся со стен песком. Сложно вообразить, какие физические страдания он перенёс, но реально понять, как к моменту кончины выглядел его мундир. Впрочем, так же была загрязнена одежда и других умерших. Предполагаю, что омовение и переодевание покойных по христианскому обычаю, ослабевшие моряки, в ноябре-декабре 1741 года, просто не в силах были совершить. Но и погребение в грязном тряпье воспринималось всеми, как кощунство. Предположу, что мёртвых раздевали и перед похоронами заворачивали тело в кусок парусины.

Историк Охотина-Линд выдвигает новое возражение: Витус Беринг не мог быть физически крепким мужчиной, а именно так охарактеризовали археологи параметры найденного скелета. Наталья Александровна утверждает, что Беринг, являясь руководителем экспедиции, в основном занимался сидячей бумажной работой, имел слуг и мало двигался: «с головой загруженный бесконечной бюрократической перепиской Беринг был обречен все девять лет в Сибири днями и ночами сидеть за столом в канцелярской избе». Но, согласитесь, руководитель военной экспедиции XVIII века всё же отличается от современного начальника. Физическая активность была нормой не только для командира парусного судна, но и для любого дворянина, находящегося на службе. Есть факты, доказывающие, что

воссозданный образ капитан-командора, как человека обычного веса, роста и хорошей физической формы, соответствует реальности. В 1726 году Беринг совершил тысячекилометровый переход по бездорожью верхом из Якутска в Охотск. И повторил этот вояж в 1729 и в 1737 году. По документам экспедиции мы знаем, что якутская лошадь способна везти на себе не более пяти пудов, т.е. 80 килограмм. Значит, всадник не мог весить больше. Кроме того, езда верхом по бездорожью мало похожа на приятную парковую прогулку: часто приходится спешиваться, чтобы пересечь горные реки, нужно в поводу с лошадью взбираться по крутым склонам или спускаться по каменистым осыпям. Лишь тот, кто привычен к длительным нагрузкам, способен выдержать такой сложный путь в течение 45 дней. Капитан-командор *«Путь сей совершил без всяких особенных приключений»*, т.е. по своей комплекции Беринг никак не мог быть похожим на толстого господина с официального, в XX веке, портрета.

После того, как мы представили внешность капитан-командора, давайте поговорим **о его человеческих качествах**. Опытный мореплаватель, исполнительный и добросовестный офицер – таким его знал царь Пётр. А еще добросердечный человек, который сострадательно относился к окружающим его людям: к местному населению и к служивым, работающим в экспедиции. В рапортах в Правительство ющий Сенат зимой 1738/39 года Беринг писал:



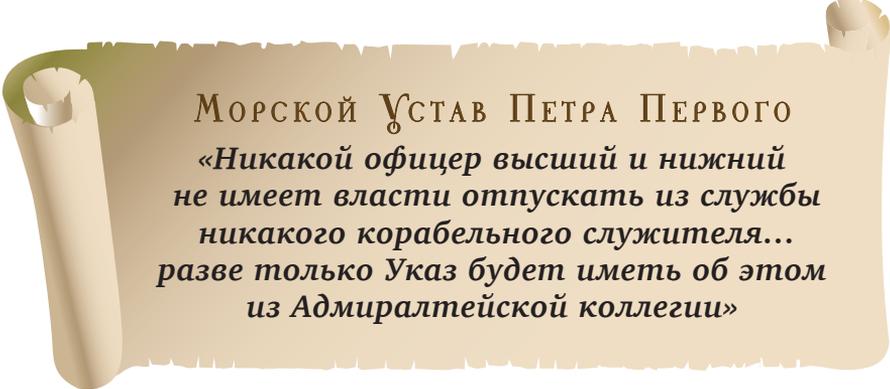
РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЛИКА
ВИТУСА БЕРИНГА, СОЗДАННАЯ
ПРОФЕССОРОМ В.Н. ЗВЯГИНЫМ
И СКУЛЬПТОРОМ
М.Е. БЕРЕЗОВСКИМ

«В нужде люди исхудали и от великой стужи познобили руки и ноги. За неимением харчевого запаса и от великой трудности многие едва ходят. К тому же наги и босы. И весьма жалостно смотреть на людей, ибо все платьем и обувью обносились, а помощи учинить никакой не можно и купить ничего негде». Приказывал не обижать якутов и тунгусов, расплачиваться с ними за работу. Добился открытия школы для местных детей в Якутске и Охотске. О необходимости и на Камчатке создать школы неоднократно писал правительству: *«Школы на Камчатке для обучения казачьих детей и новокрещеных нигде не заведены Учителей добрых нет и учения нет, хотя не только новокрещеные камчадалы, но и казачьи дети, рожденные от христиан, без обучения грамоте вырастают дураками».*

Капитан-командор сочувствовал и своим подчинённым. Например, зная, что поход планируется на долгие годы, он весной 1733 года отпускает лейтенанта Прончищева и штурмана Казимилова проститься с родными (этому факту есть документальные подтверждения). Но скорее всего, отпущены в такой краткий отпуск были не только эти два офицера, а гораздо больше, что косвенно доказывает продолжительная стоянка экспедиционных судов в Казани. Беринг в своих рапортах оправдывает задержку проблемами с погрузкой снаряжения, хотя обычно она занимала лишь несколько дней. Поэтому предполагаю, что именно ожидание приезда в Казань всех «отпускников» было реальной причиной трёхнедельной стоянки. В результате, только 9 августа караван из шести расшив отправился вверх по Каме. Из-за позднего выхода не успели до заморозков дойти к устью Чусовой и далее до Кунгура, как предполагали. Сделали вынужденную остановку в крепости Оса.

Документальное подтверждение Берингу от Адмиралтейств-коллегии предоставлять отпуска своим подчиненным пока не обнаружено. Но вряд ли он мог самовольно нарушить Устав. Возможно, командор получил устное разрешение, под собственную ответственность. То есть действовал на свой

страх и риск, т.к. если бы по каким-то причинам отпущенный офицер не вернулся в экспедицию, то наказали бы в этой ситуации Беринга.



МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО
«Никакой офицер высший и нижний
не имеет власти отпускать из службы
никакого корабельного служителя...
разве только Указ будет иметь об этом
из Адмиралтейской коллегии»

Беринг, любящий свою супругу Анну, бережно относился и к чувствам других людей. Потому разрешил лейтенанту Прончищеву забрать жену Татьяну в поход к Ледовому морю. Ведь сам он двадцать лет назад был в подобной ситуации: в 1715 году его Анна, не желавшая расставаться с мужем, умоляла взять её в морской переход из Архангельска в Копенгаген. Беринг тогда получил согласие у Адмиралтейств-коллегии и забрал с собой жену в плавание на корабль «Архангел Селафаил».

Во Второй Камчатской экспедиции капитан-командор, конечно, видел, что Василий и Татьяна нежно друг друга любят, ему просто было жаль их разлучать и супруги Прончищевы отправились в полярные широты вместе. Беринг не получал на это согласия из Санкт-Петербурга, но воспользовался тем, что такое его решение не противоречило Морскому Уставу. Ведь в Уставе запрещено присутствие женщин на корабле «на путях против неприятеля», а дубель-шлюп «Якутск» не находился в военной кампании – он имел исследовательское задание.

Капитан-командор Беринг старался жить по Морскому Уставу, где было записано, что «командир должен праведно и порядочно поступать».

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО
*«Офицеры и прочие,
которые на нашем флоте служат,
да любят друг друга верно,
как христианину надлежит без разности
какой они веры или народа ни будут»*

Во время продвижения экспедиции на восток то и дело вспыхивали разнообразные конфликты. С жалобами и просьбами к Берингу шли все: от старших офицеров до жителей сибирских стойбищ. И он всегда пытался уладить проблему мирным путем и, по возможности, никого не наказывать. При подготовке похода капитан-командор, составляя реестр должностей, необходимых для проведения экспедиции, даже исключил из списка профоса – служащего, который по Морскому Уставу обязан исполнять приговоры о телесных наказаниях. То есть Беринг, будто бы заранее, сообщил всем о своих принципах управления людьми.

Георг Стеллер пишет в дневнике:

«Праведный и благочестивый христианин. Благовоспитанный, дружелюбный, спокойный человек и по этой причине любимый всюю командою, снизу доверху... Смог ли бы другой, более нетерпеливый, сделать больше при бесконечных распрях и препятствиях... Если в чем и можно упрекнуть Беринга, так лишь в том, что он был слишком снисходительным командиром... Он уважает офицеров, которыми командует, полагаясь на их знания, способности и опыт».

А как легко прощал Беринг своих недругов. Лейтенанта Плаутина, написавшего на имя Императрицы множество доносов на командора, уговаривал, призывал к разуму, и не только не мстил, но даже взял его в плавание к берегам Америки, потому что выше личной обиды ставил профессиональные качества штурмана Плаутина.

И семьянином Витус Беринг был замечательным. Тот же Плаутин сообщает в одном из доносов на командора:

«Употреблял он свое старание не о камчатской экспедиции, а больше о покое жены своей и детей, чтоб не отлучаться и поболее прожить в Якутске с ними».

Михайло Плаутин невольно подметил, что семью свою Беринг бесконечно любил. Жена Анна отвечала ему взаимностью. В 1738 году недобрая весть о тяжелой болезни мужа на берегу Охотского моря, застала Анну Матвеевну в Якутске в приятных хлопотах и приготовлениях к возвращению в столичный Петербург. В один день Анна меняет планы и, взяв детей, отправляется вслед за любимым Витусом на восток. На дощаннике по рекам, на лошадях через таёжные волоки она добирается до продуваемого всеми ветрами Охотска. Крошечная избушка у судовой верфи на несколько месяцев становится лазаретом, где жена выхаживает, поднимает на ноги мужа.

Тут предвижу скептические ухмылки своих оппонентов: «Верная жена... ну-ну... А как же сын Антон, рожденный непонятно от кого?!»

Историки XIX и XX веков считали для себя невозможным опускаться до подглядывания в замочную скважину. Но в 90-х годах XX века всякие моральные ограничения рухнули и наши журналисты, писатели, краеведы начали развивать столь интересную для них тему. К сожалению, подала им творческую идею уважаемый историк Н.А. Охотина-Линд, сказав: *«Дата рождения Антона не очень хорошо соответствует дате возвращения Витуса Беринга и его экспедиции из Сибири. Они вернулись 1 марта 1730 года, а Антон родился через шесть с половиной месяцев».* Вторая часть высказывания Натальи Александровны: *«Впрочем Беринг мог приехать раньше остальной команды или Анна выехала ему навстречу. В любом случае, вряд стоит на этом основании обвинять Анну в супружеской неверности»* у современных «исследователей» уже не вызвала любопытства. И понеслось: из одной статьи в другую перебирали «клубничку» о прелюбодействе Анны и бесхарактерности её мужа-«рогоносца», безропотно принявшего Антона, как

своего. Конечно, красотой слога, переплюнул всех литератор Александр Кердан: «...пока Беринг что-то искал в этой ужасной Сибири... это было самое прекрасное время в её жизни! Она веселилась от души, ездила в гости, не пропустила ни одной ассамблеи, танцевала, навёрстывала упущенное... Он приехал в марте тридцатого года, а уже в начале сентября она разрешилась от бремени сыном Антоном... Слава Богу, Беринг никогда не отличался ревностью и сразу признал ребёнка своим».

Итак, имеем две реальные даты: март 1730 года – возвращение экспедиции; сентябрь 1730 года – рождение у супругов сына. Но это – единственный аргумент, лёгший в основу обвинения Анны.

Возьмём журналы Первой Камчатской экспедиции Чирикова и Чаплина, где описан каждый день. Отсчитаем от сентября назад девять месяцев, необходимых для вынашивания ребёнка. Получаем январь. В журналах записано, что 10 января экспедиция прибывает в Тобольск. А сам Беринг мог приехать туда раньше основного обоза, как поступал уже неоднократно. В Тобольске команда задерживается, без внятных причин, до 26 января. Витус Беринг, мечтающий о встрече с женой, вдруг перестаёт куда-либо торопиться. Почему?

Существует юридическая формулировка о презумпции невиновности: всякое сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Поэтому, моя версия: Анна Матвеевна, скужающая по любимому мужу, помчалась ему навстречу, в Тобольск: такой вот сюрприз хотела сделать в новогодние праздники! Это вполне соответствует той характеристике, которую дала ей исследователь Н.А. Охотина-Линд: «полная неукротимой энергии и бесстрашия, граничащего, порой, с авантюризмом». И как результат этой встречи, в 20-х числах сентября 1730 года у супругов родился сын.

Анна Матвеевна Беринг любила мужа и только поэтому отправилась с ним во вторую экспедицию. Стала одной из немногих женщин, добравшихся до Охотска. Она, как могла, поддерживала Беринга летом 1740 года во время приготовления к походу на Камчатку. Командор, конечно, был постоянно

занят, но каждую свободную минуту старался провести с семьей. Витус видел, что Анна переживает за его плохое здоровье, что её мучают нехорошие предчувствия, которые она безуспешно пытается скрыть напускным весельем. Беринг, которому уже 59 лет, тоже понимал: из этого плавания он может не вернуться. Но терзал его не страх за свою жизнь, а беспокойство за судьбу жены и детей. Что будет с ними?

Даже на Камчатке, перед походом к Америке, тревожные мысли не давали сосредоточиться на работе. Две любимые Анны – жена и дочь, сыновья Томас, Йонес, Антон... у них ведь собственного дома нет! Поэтому весной 1741 года он направляет очередное письмо генерал-адмиралу Остерману:

«Я же за моей старостью, дряхлостью и почитаю непрестанной болезнью таких тяжких трудов и беспокойств более снести не могу. К тому же я 37 лет в службе нахожусь и в состоянии не пришел, чтоб на одном месте для себя и семьи своей дом иметь мог и как кочующий человек живу. Того ради, Ваше высокографское сиятельство, моему последнему покорнейшему прошению о смене меня от сей экспедиции удивиться не извольте... И всепокорно прошу, чтобы моя семья, которая ныне из Сибири в Санкт-Петербург в пути находится... домом пожалована быть могла».

Но Витус Беринг недооценил силу характера своей жены, которую в экспедиции называли «командоршей». Попрощавшись с ним в Охотке, она осознала, что теперь только от неё зависит благополучие семьи.

Добравшись до Москвы в марте 1742 года, узнаёт, что граф Остерман, к которому не раз обращался Беринг за помощью, арестован.

По Указу Сената Анна Матвеевна была обязана предоставить в Сибирский Приказ все привезенные вещи, скреплённые таможенной печатью, для начисления налога. Анна селится в Немецкой Слободе, однако платить пошлину не торопится. В Москве в это время пребывал императорский двор для проведения коронации пришедшей к власти Елизаветы Первой, дочери Петра, и Анна Матвеевна подаёт прошение

на аудиенцию к Императрице. Ждать пришлось полгода. В сентябре пришло сообщение, что пакетбот «Святой Петр» пропал в океане. Внешне эту информацию Анна восприняла с ледяным спокойствием, но поняла: надеяться нужно только на себя.

14 сентября встреча Всероссийской Самодержицы и жены капитан-командора Беринга состоялась.

Можно представить беседу этих двух сильных женщин, их жгучий интерес друг другу и искреннее уважение. Елизавета Петровна смотрела на удивительную просительницу: статную и всё ещё красивую Анну. Она не могла поверить, что эта элегантная дама прошла вслед за мужем через всю необозримую Империю к почти недостижаемому Охотскому морю. По студёным сибирским рекам, через обдуваемые ледяными ветрами тундры и лесные чащи, полные диким зверьём. Преодолела этот тяжелейший путь вместе с малолетними детьми дважды: сначала на восток, затем на запад.

Императрица не показывала своего восхищения, но именно это чувство владело ею во время разговора. «Зачем же, милая, вы отправились туда? Что вас влекло в эти необжитые края?» – возможно, спросила Елизавета у Анны. «Любовь», – мог прозвучать ответ. И Елизавета Петровна поверила. Она сама любила и знала, что только любовь делает слабую женщину сильной и бесстрашной.

После встречи с Императрицей, Анна Матвеевна шла с гордо поднятой головой. Она получила покровительство и уверенно смотрела в будущее. Собрав детей, сложив на несколько подвод сундуки с сибирскими мехами, персидскими тканями и китайской фарфоровой посудой, она, минуя Сибирский Приказ, в эту же ночь отправилась в Санкт-Петербург. И никто не посмел послать за «командоршей» погоню.

Витус Беринг обожал свою красавицу Анну, а ещё очень скучал о «любезных сыновьях» Йонесе и Томасе, оставшихся на время Второй Камчатской экспедиции в Ревеле. Сохранившиеся к ним письма наполнены невероятной любовью,

заботой, беспокойством о судьбе старших детей. По этим посланиям можно ясно представить главные свойства личности Беринга, потому что отец всегда стремится научить детей тому, что считает важным для себя:

«Вот моё отеческое напутствие: будьте прежде всего богобоязненным, просите у Всевышнего благословения и мудрости... Живите в мире со всеми людьми; ищите общества лучшего, нежели Вы сами; никого не презирайте, не будьте болтливы, будьте аккуратны и опрятны в одежде; не воображайте себя умнее, чем другие» (Из письма Беринга сыну Томасу от 4 февраля 1740 г.).

«Настоятельно рекомендую... чтобы ты практиковался не только в чтении и письме на русском языке, но также в переводах, чтобы ты не тратил понапрасну своё время. Я сделаю всё возможное, чтобы оказать тебе всяческую поддержку, и я уверен, что ты поступишь не иначе, как добрый христианин: благородно и достойно, и что ты будешь стремиться совершать добрые дела. Здесь я благословляю тебя и да хранит тебя Всевышний и остаюсь, твоим преданным отцом» (Из письма Беринга сыну Йонесу, от 4 февраля 1740 г.).

В Беринге удивительно сочетались мягкость и сила. Хотя некоторые историки мягкость характера почему-то приравнивали к безволию.

Но это не одно и то же. О его стойкости и твердости духа можно судить по тому, как он встретил свою смерть. Во все времена последние дни, часы, минуты жизни человека являлись серьёзной проверкой. О кончине Беринга вспоминает Георг Стеллер, который был рядом с ним в самый тяжёлый период:

«...Командор знал, что открыл неизвестную землю, которая станет его могилой, но не желал лишать мужества других, сообщая им об этом раньше времени. Беринга волновало только благополучие команды, а не собственная жизнь. Его самообладание, приготовления к смерти и сам избавительный конец, при котором он полностью владел разумом и речью, достойны восхищения!»



МОГИЛА БЕРИНГА НА КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВАХ

О Беринге написаны десятки монографий, книг, сняты документальные фильмы... Но, как ни странно, до сих пор остались вопросы, по которым в научном мире возникают споры. И в этой книге я постараюсь ответить на те, что вызывают ожесточенные дискуссии:

Итак, вопрос: почему именно Витус Беринг, а не кто-то иной, выбран руководителем первой экспедиции в 1724 году?

Научный мир, повествуя о подготовке к этой экспедиции, обычно ссылается на документы, которые называют Указом

«О Сибирской посылке» и Инструкцией «О задачах Камчатской экспедиции». Но ни тот, ни другой документ не хранят личное распоряжение Петра Первого об участии капитана Беринга в дальнем сибирском походе. Такого конкретного приказа, за подписью Императора, в архивах просто нет. Чем же руководствовался Правительствующий Сенат? Устным приказом Императора.

«Изустные» распоряжения самодержца широко практиковались и исполнялись неукоснительно. Смерть Великого Петра не только не отменила такие приказы, а наоборот придала им сакральное значение «последней воли умирающего».

События декабря 1724 года подтверждает мастер дворцовой токарни Андрей Нартов. Он находился возле Петра Первого, когда тот, уже тяжело больной, передавал бумаги об отправке экспедиции генерал-адмиралу Фёдору Матвеевичу Апраксину.

Прочтём свидетельство Нартова:

«... его Величество чувствовал в теле болезненные припад-ки, но неутомимый дух его трудился о пользе и славе Отечества, ибо сочинил и написал он собственноручною рукой «Наказ Камчатской экспедиции...» Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив документы, говорил он следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома. Я вспомнил, о чем мыслил давно: о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию. Об этом написал инструкцию. Из-за болезни моей, поручаю ее, Федор Матвеевич, твоему попечению, дабы все точно исполнено было!»

В упомянутых документах не говорилось, кто именно должен возглавить экспедицию.

На должность в то время назначали через конкурс, поэтому Адмиралтейств-коллегия предложила Императору на выбор две кандидатуры:

Витус Беринг (датчанин). Капитан 1 ранга.

Карл ван Верд (голландец). Капитан 2 ранга, но с огромным экспедиционным опытом (Производил гидрографические работы на Балтике, возглавлял экспедицию в Каспийское море и сделал генеральную карту этого региона. Император

презентовал данную карту в Парижской Академии, что произвело огромное впечатление на европейский научный мир).

Выскажу собственную гипотезу развития событий декабря 1724 года: Адмиралтейств-коллегия была уверена в том, что Пётр Алексеевич для географической экспедиции выберет проверенного капитана ван Верда. И, дабы придать хотя бы какую-то значимость характеристике Беринга, адмиралы в документе уточнили, что он «*плавал в ост-Индию...*». Но при этом скромно умолчали, что ходил в Индию Беринг 30 лет назад на датском торговом судне в качестве юнги.

К изумлению коллегии, Пётр из двух офицеров назначает руководителем камчатской экспедиции именно Беринга. Почему же так случилось?

В исторической науке одна из часто повторяющихся версий: «Пётр лично знал, уважал и доверял Берингу». Но Император знал лично и ценил каждого офицера, которого утверждал в капитаны Российского флота. Что касается особого доверия именно к Берингу... Это спорно. Иначе, как объяснить, что Витус Беринг не был отправлен ни в один из значимых для государства походов последних лет:

1719 год. Экспедиция для описания Каспийского моря – планы открыть для российских купцов пути в Индию.

1723 год. Два интереснейших морских мероприятия: поход первых российских кораблей в Средиземное море к берегам Испании и секретная экспедиция на Мадагаскар, из Атлантики вокруг Африки в Индийский океан!

Имени Беринга нет в Указах среди назначенных в эти географические походы капитанов. Кандидатура его не рассматривалась, хотя он по упомянутому маршруту в ту самую «*Индию плавал...*».

Конечно, нужно помнить и о добровольном увольнении Капитана Второго ранга Беринга из русского флота в феврале 1724 года. Некоторые историки предполагают, что Беринг подал в отставку потому, что был обижен медленным продвижением по службе. Адмиралтейств-коллегия его отставку

спокойно приняла. Но Пётр, трепетно относящийся к своему детищу – Российскому Флоту, не собирается так просто расставаться с опытным морским офицером. И в августе 1724 года, по «изустному» Указу императора, Беринг возвращается на Флот с присвоением звания Капитана Первого ранга.

Чтобы датчанин Беринг не покинул службу, Петру пришлось нарушить собственный Указ 1721 года: *«служителей иноземцев, которые были в службе Царского Величества в морском флоте, и из службы отпущены и даны им абшиды, в службу по прежнему не принимать»*.

Необходимость сделать исключение для одного из офицеров, наверняка, задела самолюбие Императора и вряд ли могло послужить улучшению человеческих отношений между ним и капитаном Берингом.

Так что в декабре 1724 года при выборе командира камчатской экспедиции Пётр руководствовался вовсе не личными симпатиями.

А чем же?

Моя версия:

В конце 1724 года произошло событие, во многом повлиявшее в дальнейшем на ход истории государства в XVIII веке и, конечно, на судьбу Витуса Беринга:

24 ноября старшая дочь царя Петра, Анна, официально



КАРЛ ФРИДРИХ ГОЛШТИНСКИЙ
И АННА ПЕТРОВНА

обручена с племянником шведского короля герцогом Карлом Фридрихом Голштинским.

В тайном приложении к брачному контракту царь Пётр обещает военную защиту интересов герцога.

Дело в том, что ещё в 1713 году Дания оккупировала часть земель герцогства и Карл Фридрих, как будущий зять Петра, очень надеялся на возвращение утраченного при помощи российских войск. То есть война с Данией в будущем, 1725 году, казалась неизбежной. И когда перед Петром Первым положили два листа с характеристиками Карла ван Верда и Витуса Беринга, он, конечно, помнил строчки из офицерского контракта, по которому военнослужащие-иностранцы не привлекались к боевым действиям против стран, откуда они родом:

«Если в срок службы моей последует война между Российской Империей и государством моего урождения, то против отечества моего я употреблен не буду».

Российскому Императору надо было сделать выбор между двумя капитанами: голландцем и датчанином. Голландец имел значительный опыт географа-картографа. Это веский аргумент при выборе руководителя географической экспедиции. Но планировалась война с Данией и, значит, капитан Витус Беринг участвовать в ней не сможет. Поэтому, как рачительный хозяин, Пётр принимает мудрое решение: ван Верда оставить для участия в предполагаемых военных действиях, а датчанина Беринга отправить руководить далекой камчатской экспедицией. В помощники к Берингу назначить ещё одного датчанина – лейтенанта Шпанберга. Этот факт – дополнительный аргумент в пользу высказанной версии.

В итоге, война с Данией летом 1725 года так и не состоялась, но «изустный» приказ Петра был исполнен. И Витус Ионассен Беринг вошёл в историю, как руководитель Первой Камчатской экспедиции и мореплаватель, открывший в 1728 году пролив между Азией и Америкой.

Удивительно, но находят историки, выискивающие «зацепки», чтобы опорочить имя капитан-командора в глазах

потомков. Одним из самых серьёзных упреков является **обвинение в измене**, а именно: продажа представителю Соединённых Нидерландов Марцелису де Зварту итоговой карты первой экспедиции. Письмо Зварта с зашифрованной информацией адресовано регистратору Федеративного правительствующего совета. Датировано 5 мая 1733 года и с его переводом можно ознакомиться в сборнике документов Второй Камчатской экспедиции: *«Он (Беринг) сам предложил мне – при обещании, что это не будет афишироваться – копию карты, которая была сделана по его указанию во время его последней экспедиции в ту страну (на Камчатку). Поскольку эта карта на русском языке, я постараюсь сделать ее с названиями по-голландски, и тогда буду иметь честь послать ее Вашему Благородию»* (**«Вторая камчатская экспедиция. Документы 1730–1733. Морские отряды.»** Том 4. Изд-во «Памятники исторической мысли». Москва, 2001 год, стр. 416).

Это письмо стало известно в России благодаря исследованию М.И. Белова «Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века», изданной в 1956 году. Доктор исторических наук бросил в командора «камень»: *«Приведённые данные расходятся с обычными характеристиками Беринга, как человека добросовестного»*. Позже, кандидат исторических наук Кушнарёв Е.Г. в книге «В поисках пролива. Первая Камчатская экспедиция 1725–1730» (Ленинград: Гидрометеоздат 1974) сообщает: *«М.И. Белов документально доказал, что итоговая карта первой Камчатской экспедиции, объявленная правительством секретной, Берингом была тайно передана голландскому послу в Петербурге»*. А следом, вдохновившись такой свежей мыслью, писатели Николай Коняев и Александр Кердан развивают идею: в их романах Беринг уже всю торговлю картами: *«Пролетали дни, проходили месяцы, жалованья не только командорского, но и капитанского не платили Берингу... Слава Богу барон Зварт денег за карты не жалел... Теми деньгами и питали себя»* (**Н.М. Коняев. «Ревизия командора Беринга», 1999 г.**).

Аннотации к романам убеждают читателей: *«В основу легли реальные события, свидетельства историков, научные доказательства».*

В таком случае обратимся к действительно происходившим событиям. Витус Беринг вернулся из первой экспедиции в 1730 году. Со Звартом встретился в 1733. За эти три года отчеты и карты по итогам похода предоставлены в Академию Наук, Адмиралтейств-коллегию, Правительствующий Сенат. Карты печатаются открыто, они доступны интересующимся, т.к. документы первой Камчатской экспедиции, в отличие от второй, не были секретными. Уже 16 марта 1730 года в «Санкт-Петербургских Ведомостях» появляется публикация о походе Беринга до 67 градуса 19 минут северной широты: *«...и тогда он изобрёл, что тамо подлинно северо-восточный проезд имеется, таким образом, из Лены, если б в северной стране лёд не препятствовал, водяным путём до Камчатки, а далее до Японы и Ост-Индии доехать возможно было б».* А чуть позже такая же информация размещается в газете Копенгагена. Продолжается петровская традиция сообщать о русских географических открытиях и картографических успехах всему европейскому научному миру. Дело в том, что Пётр Первый в 1717 году стал членом Королевской Академии Наук в Париже, отправил в Европу точную карту Каспийского моря с новыми наименованиями и обещал это делать впредь. В 1723 году карты по результатам похода геодезистов Евреинова и Лужина также стали общедоступны, в том числе и европейским учёным. Так что документы по географическим исследованиям Император Пётр не «секретил», а провозглашал на всю «морскую Европу» для общего знания. Профессор Иоганн Гмелин в 1751 году пишет: *«Русский Император считал необходимым исполнять обязанности члена Академии... и хотел прояснить для Запада многие, пока не ясные, вещи».*

Широкое использование карты Чирикова-Чаплина начинается с 1730 года. Имеются 17 фактов публикаций этих карт в России и Европе. Например, в «Материалах для истории Императорской Академии Наук» (изд. 1889 г.) сообщается, что

работавший в России астроном и картограф Жозеф Делиль отправляет во Францию такие карты в 1732 году. Историк картографии России Л.С. Багров подтверждает: «Известно, что за границами Российской Империи числится не менее десяти экземпляров копий карт периода 30-х годов XVIII века: пять в Швеции, три во Франции, одна в Дании, одна в Англии. Все копии сходны между собой».

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО

«Кто из высших, низших офицеров или рядовой тайную и опасную переписку с неприятелем иметь будет или разговор... ведомость какую подаст, письма принимать или переносить будет, а также тот, кто, зная об этом, не известит, то, как изменник, чести, пожитков и живота будет лишён четвертованием или колесованием»

Но как же быть с письмом голландца Зварта о получении от Беринга в 1733 году карты? Передавал её командор или нет? Уверен – передавал. Но не продавал (нигде не встречается документов о каких-либо деньгах) и не предавал Россию. Отданные Зварту материалы не были секретными и никакого ущерба Российской Империи своими действиями капитан-командор не нанёс. Беринг был законопослушным, осторожным человеком и ещё морским офицером, прекрасно знающим законы.

Кроме того: неужели историки и писатели полагают, что при развитой системе доносов и активной работе канцелярии Тайных дел никто не узнал бы о факте измены? Неужели можно допустить, что даже при малейшем сомнении в честности капитан-командора его назначат руководить второй, изначально засекреченной, камчатской экспедицией?

Зачем же сам Зварт в своем письме зашифровал информацию о получении, будто бы, секретной карты? Да просто,

чтобы придать своей деятельности значимость в глазах начальства и, конечно, с надеждой на награду.

Беринг не был изменником, не был шпионом. Поэтому 17 апреля 1732 выходит Указ Анны Иоановны: *«Указали мы капитана-командора Беринга отправить на Камчатку к государственной пользе и умножению нашего интереса».*

Следующий вопрос: действительно ли Беринг сам инициировал вторую камчатскую экспедицию?

Среди историков укрепилось мнение, что Витус Беринг лично инициировал экспедицию и предложил себя в её руководители. Однако, нет ни одного документа, который бы это подтверждал!

В рапортах и отчетах 1730–1731 года у Беринга имеются размышления о необходимых действиях для дальнейшего развития северо-востока страны. Есть составленный для возможного будущего вояжа реестр служителей и предложения о другом пути в Сибирь: от Санкт-Петербурга через город Тверь, а далее водным путём по Волге и Каме за Урал. Но всё это явно рекомендуется новым руководителям походов. Всегда с присказкой: *«...ежели иногда (в будущем) восприиметца намерение посылать в Экспедицию...».*

Беринг не был инициатором второй Камчатской и точно не собирался ею командовать. Свое полное удовлетворение по поводу состоявшегося пятилетнего сибирского путешествия он высказал в частном письме в Данию «высокопочтимой и дорогой тётё» Маргретт Беринг в 1731 году:

«Надо признаться, что как я мечтал в молодости путешествовать, так теперь достаточно много уже выпало на мою долю... Моя поездка не идёт в сравнение с путешествием в Ост-Индию, как по суше, так и по морю... Бог сберег меня в этом длинном и трудном пути, но после возвращения домой я был тяжело болен...».

Ни о каких собственных планах или желании повторить этот суровый маршрут он не говорит.

Не стоит также забывать, что Берингу к этому моменту уже пятьдесят – солидный возраст для XVIII века. После первой

экспедиции он ощущает себя разбитым, уставшим и вряд ли ему хочется новых подвигов. А предвидя подступающую старость, он обеспокоен судьбой своей семьи: «...ныне пришел от означенного убытка в экспедиции в немалые долги. И по смерти своей на пропитание жене и детям оставить ничего не имеется... Прошу пожаловать меня крестьянами ради пропитания и по смерти моей жене и детям, и чтобы мне не прийти в крайнее убожество» (**Прошение Беринга Императрице Анне Иоановне, январь 1731 г.**).

Однако, как человек военный, подчиняется Указу Императрицы. Мог бы подать в отставку, но осенью 1731 года из Адмиралтейств-коллегии уходят документы в Правительствующий Сенат о возможности наградить Беринга «за многолетнюю службу подвѣтными деньгами» и присвоении ему звания контр-адмирала. И он надеется на повышение!

Возможно, эта надежда и стала определяющим фактором. Витус Беринг не покидает службу и во второй раз берет на себя руководство камчатской экспедицией! Хотя позже, вероятно, корил себя за это решение. Георг Стеллер сообщает в своём дневнике: «Он стремился из всех сил наилучшим образом выполнить порученное, хотя сам признавал и часто сетовал, что не хватает сил нести такое бремя, что экспедиция оказалась гораздо больше и продолжительнее, чем он предполагал, а также, что в его возрасте он не желал бы ничего лучше, чем передать всё предприятие молодому, энергичному и уверенному в себе человеку русского происхождения».

Итак, Витус Беринг не был инициатором второй камчатской экспедиции. Но кто же тогда? Конечно, государство. Жизненно необходимо было нанести на карту и предъявить миру границы Империи, о которых имелось достаточно размытое представление. Поэтому экспедиции на Дальний Восток не прекращались с 1716 года.

1716–1719 гг. «Большой Камчатский наряд» от Сибирского губернатора князя Гагарина «ехать к берегам Северного моря... и по берегам Восточного моря... и о Японии осведомляться».

1719–1721 гг. Сибирская «посылка» геодезистов Н.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина. *«Ехать вам до Камчатки и далее, куда указано и описать тамошние места: сошлась ли Америка с Азией...».*

1721 г. По распоряжению Петра Первого из устья Оби направлена экспедиция *«исследовать судоходно ли Ледовитое море»* для поиска морского пути в Тихий океан.

1725–1730 гг. Первая Камчатская экспедиция Беринга.

1729–1732 гг. Экспедиция А.Ф. Шестакова и Д.И. Павлуцкого, включившего в себя морской поход к берегам Аляски штурмана Ивана Фёдорова и геодезиста Михаила Гвоздева.

1733–1743 гг. Вторая Камчатская экспедиция Беринга.

Профессор Иоганн Гмелин в предисловии к своему *«Путешествию через Сибирь»* в 1751 году: *«В северном государстве не было описания земли и многое неизвестно. Никто не знал, как далеко простирается эта земля, соединяется ли она с Америкой или разделена морем. Необходимо было знание о Сибири и новом мире, лежащим севернее от неё. Эти вопросы казались Великому Императору особенно важными для развития торговли в государстве, за благосостояние которого он отвечал...»*

После смерти Петра, трон унаследовала его супруга – продолжательница его идей. Поэтому в 1725 году отправление кораблей и команды не затянулось...

Великая Императрица Анна тоже хотела исполнить высокую волю своего дяди Петра Первого и предприняла для этого достаточные усилия, так как считала данный вопрос делом своей совести...

Подчиняясь высокой воле властвующей Императрицы Елизаветы, великое предприятие достигло завершения».

Таким образом, мы выяснили, что экспедиции Беринга находились в череде исследовательских походов на северо-восток, начатых Петром Первым в самом начале XVIII века. Имя Беринга вошло в историю, потому что он стал руководителем самого масштабного и успешного географического предприятия.

Многие спрашивают: **а заслуженно ли датчанина Витуса Беринга так почитают в России?** Не лучше ли чтить своих, россиян? Например, геодезиста Гвоздева и штурмана Фёдорова, которые в 1732 году не только прошли пролив между Чукоткой и Аляской, но и картографировали почти 500 миль американского берега. Или Капитана Флота Алексея Чирикова, который достиг на пакетботе «Святой Павел» берегов Америки на сутки раньше, чем «Святой Пётр» под командованием Беринга. Почему же основная слава досталась капитан-командору? И был ли он бескорыстен в своей службе России или, может быть, прав камчатский краевед и писатель С.И. Вахрин, называя его *«командором, который жировал на экспедициях»*? Попробуем разобраться.

Безусловно, нельзя забывать первопроходцев. Несправедливо, что экспедиция Михаила Гвоздева и Ивана Федорова занимает слишком скромное место в истории освоения северо-восточных территорий России. Однако, придется согласиться, что на север шли они по следам Беринга и на боте, который был построен первой Камчатской экспедицией. Тем не менее, изначально именем Гвоздева был назван самый западный мыс Северной Америки, но сейчас это мыс Принца Уэльского. Имя Гвоздева долгое время носили острова в проливе между Чукоткой и Аляской – теперь острова Диомида. В его честь был назван и участок побережья Аляски, но это название существовало на картах мира лишь до её продажи Соединенным Штатам в 1867 году. В настоящее время имя Гвоздева носит только мыс на востоке Сахалина и, действительно, создается ощущение неза заслуженного забвения этого похода.

Но вот заместитель Беринга, Алексей Чириков, в нашей стране известен не менее, чем сам командор. В XX веке Вторую Камчатскую экспедицию в научной литературе даже называли *«Экспедицией Беринга-Чирикова»*. Имя Алексея Ильича носят мысы и остров, ему установлены памятники, посвящены книги, выпущены почтовые марки, сняты документальные фильмы, его именем было названо ледокольное судно. Но он всё

же остаётся на втором месте, потому что руководил грандиозным походом не Капитан Флота Чириков, а капитан-командор Беринг. Именно на него ложилась ответственность и за успех мероприятия, и за неудачу. Даже если бы Витус Беринг в 1741 году не ушёл в плавание и принял бы решение командовать экспедицией с Камчатки, отправив на пакетботах к американской земле Чирикова и Вакселя, а к Японии Шпанберга, то командор всё равно справедливо вошёл бы в историю, как человек, первым обозначивший северо-восточные границы России.

Современниками Беринга Вторая Камчатская экспедиция была признана выполнившей свои задачи. Благодаря офицерам – командирам морских отрядов, в 1746 году была издана генеральная карта Российской Империи, ученые из Академического отряда сделали этнографические, ботанические и геологические описания новых земель. Налажен почтовый маршрут от Петербурга до Охотска – самый длинный в мире, почти в 13 000 вёрст. В Сибири построены железоплавильные заводы. Проведена перепись и сделаны первые шаги по христианизации дальневосточного населения. Открыты новые школы. Основан самый восточный город страны – Петропавловск-Камчатский.

«Более удивительного и восхитительного замысла во всем мире не намечалось! Высокие задачи этого предприятия обеспечивали ему бессмертие!» – говорит в 1753 году участник Академического отряда профессор Иоганн Гмелин.

«От Чукотского носу на Камчатку морской свободный ход отнюдь не сомнителен и доказан путешествием Беринговым... Изведав и описав почти все берега сибирские, чего бы нам без их походов знать было невозможно; и сверх того подали пример, что впредь с лучшим основанием и порядком воспоследовать желаемого» – констатирует великий Ломоносов.

«Едва производилось ли где столь многотрудное и долговременное путешествие» – сообщает в своем трактате профессор Герхард Миллер в 1766 году.

Английский мореплавателю Джеймс Кук восхищался точностью карты, составленной по итогам экспедиций Беринга.

Немецкий естествоиспытатель и географ, участник кругосветного плавания Кука, Иоганн Фёрстер в своей книге «История открытий и морских путешествий на севере» (**Франкфурт, 1784 г.**) предлагает научному сообществу Европы назвать пролив между Чукоткой и Аляской именем командора.

Французский военный моряк и географ граф де Флёрье в «Замечаниях по гидрографическому делению Земного шара...» (**Париж, 1800 г.**) настаивал, что море с востока от Чукотки и Камчатки должно носить имя Беринга.

Российский естествоиспытатель Карл Эрнст фон Бэр отзывался о Беринге с огромным уважением:

«У всякого другого, кто стал бы во главе столь громадного и необычайно трудного предприятия, все дело неминуемо развалилось бы».

«История этой экспедиции – одна из прекраснейших глав истории нашего флота и одна из лучших страниц царствования императрицы Анны Иоанновны...» – говорит историограф Российского Императорского Флота А.П. Соколов.

Но самым главным доказательством, что деятельность человека признана значимой и важной для страны, является государственное вознаграждение. Некоторые историки, пытаясь продвинуть идею, что Вторая Камчатская экспедиция, по сути, неудачное мероприятие, говорят, мол, Беринг не был за неё вознагражден. Действительно, он получил 1000 рублей в 1732 году за руководство первой экспедицией, но после второй оказался забыт при награждении. Однако связано это не с недооценкой итогов похода, а с обычной бюрократией. Беринг умер в походе, и оплата за его работу не была произведена. Хотя все офицеры и все рядовые служители, по мере возвращения их из экспедиции, «награждались чинами и жалованьем».

Впрочем, Витус Беринг тоже не оказался обделён. Есть документы, свидетельствующие, что в 1743 году бездомная семья погибшего командора обрела собственное имение: «деревнишку» в Лифляндии (сейчас – территория Латвии и Эстонии). Как оно появилось у Берингов доподлинно не известно: куплено

на личные средства или пожаловано Императрицей Елизаветой Петровной... Но точно можно утверждать, что любимая супруга Анна, о которой Беринг постоянно тревожился, встретила старость не на съемной квартире, не приживалкой у родни, а в своём доме. Так что душа её заботливого мужа могла быть спокойна.

А в 1765 году в Правительствующий Сенат обратился сын капитан-командора, коллежский асессор Томас Беринг, с челобитной о выплате компенсации за службу отца, это прошение было сразу удовлетворено: сыновьям Беринга – Томасу, Йонасу и Антону, по Указу Екатерины Второй, было выдано 5000 рублей. Безусловно, эти огромные деньги не могли быть выплачены при наличии сомнений в том, что задачи, поставленные перед экспедицией, были выполнены.

Таким образом, видим: имперская власть и современники командора, и географы следующих поколений признали Беринга успешным руководителем грандиозного мероприятия, достигшего своих целей. Поэтому, никакого права не имеют отдельные исследователи и краеведы XXI века легкомысленно говорить о Витусе Беринге: *«самый удачливый неудачник, какого еще можно было бы отыскать в истории..., который не справился с двумя государственными заданиями в России».*

И последний вопрос: является Беринг российским мореплавателем или же датским?

Капитан-командор Беринг принял подданство Российской Империи. Получил дворянство и соответствующие привилегии. Отказался от наследства по линии датских родственников, передав его в пользу бедных людей Хорсенса – города, где родился. Не только свою, но и жизнь своих потомков связал с Россией. Три его сына стали военными. Йонас служил в Тверском карабинерском полку, Томас в Преображенском полку, Антон в Великолуцком пехотном полку. Внук Христиан Тимофеевич пошёл по стопам деда, получил звание капитан-командора, был исследователем северо-восточной части Тихого океана.

Витус Беринг не вернулся в Данию, он предпочел жить, служить и умереть в России и во имя её. Именно в России Беринг стал великим мореплавателем, всемирно признанным.

В Дании имя капитан-командора многими забыто. Историк Копенгагенского университета Сесилие Нильсон с сожалением констатирует: *«В Дании о нем известно мало, некоторые знают, что такой человек был, немногие знают, что он был мореплавателем, ещё меньше, что он был датчанином».*

В XX веке Советский Союз, налаживая дружеские отношения с Данией, старался всячески напоминать её гражданам о происхождении Беринга. Организовывались конференции, лекции, встречи ученых. Даже был сделан этой стране бесценный подарок – две оригинальные пушки с пакетбота «Святой Пётр», найденные на месте гибели корабля. Но лишь в 1991 году, после проведения российско-датской экспедиции на остров Беринга, научный мир Дании вдруг очнулся, возгордился и неожиданно заявил, что Беринг – великий датчанин, за деньги служивший русскому царю. Как говорится: «за что боролись, на то и напоролись»: у России захотели отобрать Беринга. Но разве это возможно? Ведь за деньги просто служат, а потом уезжают обратно на родину, но не отправляются, рискуя жизнью, в невероятные сложные экспедиции. Мореплаватель Беринг, ставший в России капитан-командором, принял нашу страну сердцем, понял «загадочную русскую душу», научился договариваться с сибирскими воеводами, старостами и комендантами, был в хороших отношениях с офицерами, улаживал конфликты в команде. Он любил и уважал русских служивых, и они отвечали ему тем же. Необитаемый остров, на котором Беринг умер, моряки по общему согласию назвали в честь своего капитана *«который был всегда добр и справедлив к своей команде».*

Мои оппоненты могут возразить: какой же Беринг российский мореплаватель, если он плохо знал русский язык, не терял связи с датскими родственниками, не перешёл в православную веру, а остался лютеранином. Мало того, в свое последнее плавание он взял с собой датский флаг, возможно, как напоминание о родной земле (Этот флаг обнаружен

при описи вещей умершего Беринга). Спорить, конечно, можно долго. Но главный аргумент: Россия многонациональная и многоконфессиональная страна. И сейчас и 300 лет назад было не важно, кто ты по национальности и вероисповеданию. Император Пётр Первый определил главный принцип гражданства: *«Русский тот, кто Россию любит и ей служит»*. А Беринг свою новую родину любил. В его письмах и рапортах часто встречается фраза *«на пользу государству моему»*. Своим государством он называл не Данию – Россию.

Капитан-командор Беринг, российский офицер датского происхождения, российский дворянин, руководитель камчатских экспедиций, командир бота «Святой Гавриил» и пакетбота «Святой апостол Пётр», мужественный, честный и справедливый человек похоронен русскими моряками в русской, открытой им, земле и его имя навсегда останется на карте мира и в истории России.

*31 мая 2019 года, Указом Президента Российской Федерации
Владимира Путина
«О присвоении аэропортам имен лиц,
имеющих особые заслуги перед Отечеством»,
по результатам народного голосования, международному
аэропорту Петропавловска-Камчатского присвоено
имя Витуса Беринга.*



АЭРОПОРТ ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО

ЛЕЙТЕНАНТ СВЕН ВАКСЕЛЬ

8 декабря 1741 года, после смерти командора на необитаемом острове, команду возглавил штурман «Святого Петра», сорокалетний лейтенант, швед по происхождению, **Свен Ларсон (Савелий Лаврентьевич) Ваксель**.

Беринг несколько лет наблюдал за работой в экспедиции лейтенанта Вакселя и перед плаванием к Америке назначил его старшим офицером на флагманский пакетбот «Святой Пётр», тем самым высказав доверие профессиональным и человеческим качествам этого моряка. Уходя из Охотска к Камчатке, Витус Беринг чувствовал себя нездоровым и, вероятно, размышлял о своей возможной кончине в этом походе, а значит, думал и о преемнике, который смог бы заменить его на пакетботе.

Лейтенант Ваксель был образован, начитан, мог говорить на четырёх языках (шведский, немецкий, английский, русский). Отважный и рассудительный. С обостренным чувством справедливости. Требовательный к подчинённым, но ещё больше к себе. Умеющий ценить простых матросов и мастеровых. Способный признавать свои ошибки. Законник, но при этом не боящийся нарушить пункт инструкции и даже Устава, если того требуют обстоятельства.

В полной мере свойства его личности раскрылись во время девятимесячного пребывания на острове в Тихом океане. Свен Ваксель сумел сплотить людей в, казавшейся, безвыходной ситуации, организовать работу по строительству нового корабля и создать в команде настолько доброжелательную атмосферу, что летом 1742 года некоторые моряки высказывали предложения остаться на острове на вторую зиму.

6 ноября 1741 года истерзанный штормами пакетбот «Святой Пётр», счастливым случаем, переброшен огромной волной через рифы в незнакомую бухту. Экипаж болен цингой, измучен голодом, люди с трудом передвигаются по обледеневшей палубе. Капитан-командор Беринг давно не встает с постели

и Свен Ваксель, как старший по званию, уже несколько недель руководит жизнью на корабле, хотя сам тяжело болен: *«Немногие, державшиеся на ногах люди были до последней степени изнурены и пали духом, просили не поручать им никакой работы, так как чувствовали себя совершенно обессиленными... Я старался поднять мужество своих матросов и уговаривал их, чтобы они не отказывали мне в помощи по мере оставшихся сил»* (здесь и далее: **Свен Ваксель. «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга». Изд. Главсевморпути, 1940 г.**).

В этом отчаянном положении лейтенант Ваксель организует эвакуацию экипажа с корабля на землю. Она продолжалась больше десяти дней: на «Святом Петре» лишь один лангбот, а нужно перевезти на берег 64 человека, снаряжение для постройки укрытий и остатки провизии. Матросы настолько слабы, что порой не могут сделать больше одного рейса в день, особенно если усиливается ветер и волнение. Ваксель пишет:

«19 ноября я еще оставался на борту с семнадцатью людьми. На всех было лишь четыре ведра пресной воды. Силы мои уже были на исходе. Конечности совсем парализованы, и я не в состоянии был сделать ни одного шага без поддержки. У меня шатались зубы, и я был уверен, что близок час моей смерти».

Только 21 ноября, последним рейсом лангбота, Свен Ваксель был перевезён на берег. Георг Стеллер отмечает, что в тот момент состояние лейтенанта было настолько ужасным, что все поверили в его близкий конец. Но Ваксель боролся. Он не имел права погибнуть, ведь отвечал не только за экипаж пакетбота, но и за жизнь своего двенадцатилетнего сына Лаврентия – волонтёра «Святого Петра» (волонтёр в XVIII веке – человек, добровольно поступивший на службу, чтобы выучиться военному делу).

Моряки, поверившие было в своё спасение, узнав, что оказались на необитаемой земле, вновь упали духом. Безлюдный, продуваемый всеми ветрами остров, нехватка лекарств, еды и тепла, отсутствие надежды на помощь.

«Больные продолжали умирать один за другим. Общее бедствие было столь велико, что мертвые долгое время оставались лежать среди живых – не находилось никого, кто в силах был бы убрать их из землянки. Так мы и оставались лежать попеременно вокруг небольшого костра».

И в такой тяжелой обстановке Свен проявляет талант психолога, хотя и слова этого не было в то время. На интуитивном уровне он выбирает единственно правильный вариант управления людьми:

«Я решил руководить командой кротко и мягко, поскольку жесткость и строгость были бы в таких обстоятельствах совсем неуместны».

Чтобы отвлечь моряков от тягостных мыслей, помочь преодолеть тоску и уныние, командир разрешил им игру в карты, которая была запрещена Морским Уставом. Ему пришлось выслушать возмущение некоторых офицеров, считавших, что ни в коем случае, даже на необитаемом острове, нельзя нарушать закон. Но лейтенант Ваксель был непреклонен и уверен в правильности своего решения: *«Пока я командую отрядом, я намерен по своему усмотрению руководить им и в любое время готов дать отчет в своих действиях».*

Свен Ваксель распределил хозяйственные обязанности между всеми, кто мог передвигаться: *«Не было никакой разницы ни у слуги с господином, ни у подчиненного с командиром ни в работе, ни в пище, ни в одежде. Офицеры вместе с солдатами и господа вместе со слугами по дрова и на промысел пищи в одних артелях были и лямкою на себе таскали».*

Мясо бобров, которое добывалось, делилось на равные порции. Пусть совсем крошечные, но одинаковые для всех: *«Порции были настолько малы, что мы употребляли и внутренности этих животных и даже кишки не выбрасывали, а ели».*

Все снятые со «Святого Петра» продукты были разделены между членами экипажа поровну, без различия чина и звания, не считаясь с личностью или положением. И здесь проявилась ещё одна черта Вакселя, характеризующая лейтенанта, как принципиального и очень справедливого человека. Его сын –

Лаврентий являлся волонтером, а в то время волонтеры не зачислялись в команду, им не выплачивали деньги и питались они за свой счет. И вот тут, когда дело коснулось лично его, Свен не стал нарушать правила и распределил провиант только между официальными членами команды, без учёта собственного сына. Лаврентия он кормил, деля с ним свою порцию.

Самые серьезные решения Свен Ваксель принимает не на совещании офицеров, а на общем собрании команды путем голосования. После споров и обсуждений, все члены экипажа ставили свою подпись в протоколе, что вообще кажется невероятным для XVIII века. Именно на общем собрании, где каждый конопатчик, матрос, гребёр, солдат имел право открыто высказаться, было принято решение построить из обломков пакетбота «Святой Пётр» – новый корабль и уйти на нём на Камчатку.

Свен Ваксель делал максимум для того, чтобы сдружить людей, избежать конфликтов и ссор. В день закладки нового судна и в день спуска его на воду собрал у себя всю команду на торжественный обед. И хотя угощение состояло из напитка, сделанного на основе заплесневелой ржаной муки и отвара брусничных листьев (других припасов просто не было), моряков такие общие посиделки очень спланивали.

«Я приготовил полный большой судовой котел напитка и каждый выпил свою порцию с превеликим аппетитом. Все развеселились и приободрились. Причем без всякого опьянения».



СВЕН ВАКСЕЛЬ С СЫНОМ.
СКУЛЬПТОР ИЛЬЯ ВЬЮЕВ

Командир Ваксель, при строительстве нового корабля, проявил прекрасные организаторские способности, поделив людей на группы плотников, охотников, кузнецов, кашеваров, в зависимости от их умений. Поэтому строительство гукора продвигалось достаточно быстро. *«При постоянно дружеском подбадривании лейтенанта Вакселя, мы замечательно преуспели, и к середине июля готовый корпус судна стоял на стапеле»* – отмечает в дневнике Георг Стеллер.

Свен Ваксель обладал чудесным человеческим свойством – умением хвалить и благодарить людей. В своей книге о камчатской экспедиции он с явным удовольствием даёт положительные характеристики членам своей команды:

*«**Боцман Алексей Иванов** – расторопный человек и прекрасный моряк...*

*«**Флот-мастер Сафрон Хитрово** был мне всё время добрым и преданным помощником...*

*«**Плотник Савва Стародубцев** оказал мне очень большие услуги, мне едва ли удалось справиться с делом без его помощи. Я очень его благодарил...*

*«**Доктор Стеллер** – превосходный ботаник, анатом и естествоиспытатель».*

И это несмотря на то, что с Георгом Стеллером в начале пути отношения не сложились: Ваксель считал учёного совершенно бесполезным на пакетботе.

После спасения с острова, лейтенант начинает борьбу за права людей своей команды. Пишет рапорты Алексею Чирикову и в Адмиралтейств-коллегию о необходимости выплаты денег за недополученный экипажем «Святого Петра» продовольственный паёк, полагающийся флотским служащим:

«Служители претерпели смертный голод и претяжкие труды и, по моему мнению, нужно им за недоданный провиант выдать деньгами».

И ведь добился своего! Через несколько лет, уже в Енисейске, каждый из рядовых служивых получил более 100 рублей. Огромная сумма по тем временам! А сибирского казака Савву Стародубцева, благодаря умениям которого был построен

на острове гукор, Ваксель отметил особенно: ходатайствовал в Енисейской канцелярии о награждении плотника званием сына боярского (Присваивалось служивому человеку в Сибирской губернии за особые заслуги, давало ряд привилегий и право быть назначенным на руководящие должности среднего звена).

Вернувшись в столицу, Свен Ваксель берётся за книгу. Полное название длинное, в соответствии с традициями того времени: «Извлечение из моего журнала, а также из журналов других офицеров, которые мы вели во время камчатской экспедиции, отправленной из Санкт-Петербурга в 1733 году. В нём кратко описаны задачи экспедиции, её ход, открытия, перенесённые бедствия и окончание. Пером более искусным, чем моё, не меняя основного содержания рассказа, она могла быть описана ярче, обширнее, подробнее. Составлено Свеном Вакселем, Российского флота капитаном». Ваксель не считал себя умелым сочинителем, но его книга написана на прекрасном литературном немецком языке – так проявился ещё один талант этого человека. Однако, рукопись была утеряна почти на полтора столетия и обнаружена лишь в 1891 году в царскосельском отделении Императорской библиотеки. После революции 1917 года снова исчезла на два десятилетия и лишь случайно, в 1938 году, появилась в одном из букинистических магазинов Ленинграда. В настоящее время хранится в Российской национальной библиотеке. Её перевод на русский язык сделал сотрудник библиотеки Ю.И. Бронштейн и уникальный труд стал доступным для всех любителей истории.

Книга была издана в 1940 году под названием «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга». Учёные изучили её построчно. И некоторые исследователи вдруг, через 250 лет, начали ставить в вину Свену Вакселю его описание движения экспедиции к Якутску: *«Так как люди из числа ссыльных стали толпами убегать, пришлось поставить вдоль берегов Лены через каждые двадцать верст виселицы. Это произвело прекрасное действие, так как с этого времени убегало уже весьма немного людей».*

Отдельные историки, в том числе и такие серьезные как Ю.В. Чайковский («Мысы Ледовитого напоминают». Москва: Товарищество научных изданий, 2015), ссылаясь на эту фразу, стали обвинять экспедицию в невероятной жестокости, не учитывая особенностей временного периода, когда происходили события и, забывая о том, что Ваксель говорит лишь об установке виселиц для устрашения, а не о казнях. Кроме того, лейтенант Ваксель, вероятно стремясь показать серьезность и строгость руководителей похода, несколько приукрасил события. Ссылные, взятые в экспедицию, действительно убегали, но никаких виселиц «через каждые двадцать вёрст» не возводилось – их вообще было только три. И поставлены они по распоряжению воеводы Илимской канцелярии от 10.04.1735, который, в меру своего понимания, пытался исполнить Указ Правительствующего Сената о «всяческом содействии Берингу»:

«По реке Лене в Киренском остроге поставит крепкие заставы и при тех заставах поставит три виселицы». Но вот ведь незадача: палача не оказалось ни в Илимском остроге, ни в экспедиции – в её должностном реестре не числился профос, а значит исполнять предполагаемые смертные приговоры некому. Так что три виселицы действительно были поставлены в одном из острогов. Однако возведены они не по распоряжению руководителей экспедиции, а по приказу сибирского воеводы. Также нет ни одного, подтверждённого документами, факта о казнях на этих виселицах.

Хочу обратить внимание, что зачастую у современных людей неверное представление о применении смертных наказаний в XVIII веке и лёгкости, с которой, якобы, лишали тогда жизни. На самом деле, каждое преступление тщательно расследовалось. Иногда годами. Смертный приговор выносился в исключительных случаях и должен был пройти через утверждение несколькими инстанциями. Обязательно казнили только государственных изменников (преступления против монарха – представителя Бога на земле) и убийц, т.к., нарушая главные божьи заповеди, обвиняемые сами выводили себя за рамки человеческого милосердия.



ДВОРЯНСКИЙ ГЕРБ
СЕМЬИ ВАКСЕЛЕЙ

Завершая рассказ о морском офицере Свене Вакселе, добавлю, что вместе с любимой женой Ульяной Петровной, сопровождавшей его весь период экспедиции, он вырастил замечательных сыновей (Лаврентия, Савелия и Василия) – все они стали военными и за заслуги перед Российским государством были пожалованы потомственным дворянством и землями в Дорогобужском уезде Смоленской губернии.

Семья Вакселей, воспитывая трёх своих детей, взяла на попечение и осиротевшего племянника – Василия Вальтона, сына капитана Флота Вилима Вальтона, участника плавания в Японию в 1738–1739 гг. (Свен и Вилим приходились друг другу свояками). Из доношения капитана Вакселя в государственную Адмиралтейскую Коллегию от 26 августа 1753 года: *«...вышеобъявленный бывшего флота капитана Вальтона сын его Василий Вальтон жене моей Ульяне Петровне Ваксель племянник родной... и прошу отдать оного Василия Вальтона для лучшего содержания в том малолетстве и обучения грамоте русской читать и писать, прилагая наше старание ... и довольствовать пищей, одеждой и обувью».*

Свен Ваксель, после возвращения в 1749 году в Санкт-Петербург, продолжил службу на Балтийском флоте, был произведён в Капитаны Первого ранга, в качестве командира стопушечного линейного корабля «Святой Дмитрий Ростовский» в 1761 году участвовал в сражении под Кольбергом. За доблесть, проявленную в Семилетней войне, был представлен к производству в капитан-командоры, но до получения чина не дожил – скончался в Кронштадте 14 февраля 1762 года.

КАПИТАН ФЛОТА МАРТЫН ШПАНБЕРГ

Капитан Первого ранга **Мартын Петрович Шпанберг** (Мортон Петерс Спанберх) был заместителем Беринга и в Первой, и во Второй Камчатских экспедициях. Датчанин.

Один из историографов русского флота Александр Петрович Соколов в середине XIX века писал о Шпанберге: *«...Грубый и жестокий до варварства, жадный к приобретениям, однако ж хороший практический моряк, горячий и деятельный. Молва о нем разнеслась по всей Сибири. Напуганные его самовольством и дерзостью сибиряки видели в нем «генерала», другие «беглого каторжника», всегда сопровождаемого огромной собакой, которой он травил оскорбляющих его»* (А.П. Соколов «Северная экспедиция 1733–1743», Записки гидрографического департамента, 1851 год).

Из-за этой характеристики Шпанберг вошёл в русскую историю безжалостным человеком. Действительно ли он был таким?

Беринг видел, что Шпанберг настойчив в достижении цели, и умело использовал взрывной характер Мартына Петровича в камчатских экспедициях. Так как Шпанберг был напорист, смел и, к тому же, прекрасный организатор, ему поручалась сложнейшая задача: идти с небольшим отрядом впереди основного обоза экспедиции и производить необходимые работы по подготовке приема людей и грузов. Он заготавливал провиант в сибирских городах, фураж для лошадей, распоряжался строительством речных судов, складских и жилых помещений, нанимал мастеров.

Капитан Флота имел на руках Указ Императрицы и Правительствующего Сената об оказании содействия Второй Камчатской экспедиции и авангардному отряду Шпанберга от 15 февраля 1733 года:

«...По требованиям их людьми, лошадьми и провиантом и прочим, что до исправления оной экспедиции к интересам Её Императорского Величества касается, исполнение чинино было, не упуская времени, дабы им ни за чем остановки быть

не могло, дать послушной указ к господам губернаторам, вице-губернаторам и воеводам и прочим управителям».

Но даже при наличии у Шпанберга Императорского Указа, не все местные начальники торопились помогать и предоставлять необходимых людей и материалы: «А вот нету у меня и всё тут!» Мартын Петрович свирепел, особенно, если подозревал воевод и комендантов в обмане. За его спиной шла на восток огромная, в несколько тысяч человек, экспедиционная команда и он готов был любыми способами обеспечить её беспрепятственное продвижение. Ругался, требовал, грозил.

«...усмотрели мы, что Илимская канцелярия не доброхотствуя к пользе Её Императорского Величества интереса... оставила годных к плотничьему мастерству служивых людей для своего лакомства... Отдать тех служивых... А ежели в присылки их учинится хотя бы малая остановка, тогда для понуждения Илимской канцелярии прибуду я сам и с оной канцелярией будем поступать без послабления».

В чём точно нельзя заподозрить Шпанберга, так это в равнодушии. Он не только с присущей ему энергией выполняет приказ, но и постоянно вносит конструктивные предложения:

– О необходимости изменить порядок поставки подвод, чтобы не привести крестьян в разорение.

– О необходимости строительства в Сибири соляных варниц, чтобы солью снабжать не только экспедицию, но и местных жителей.

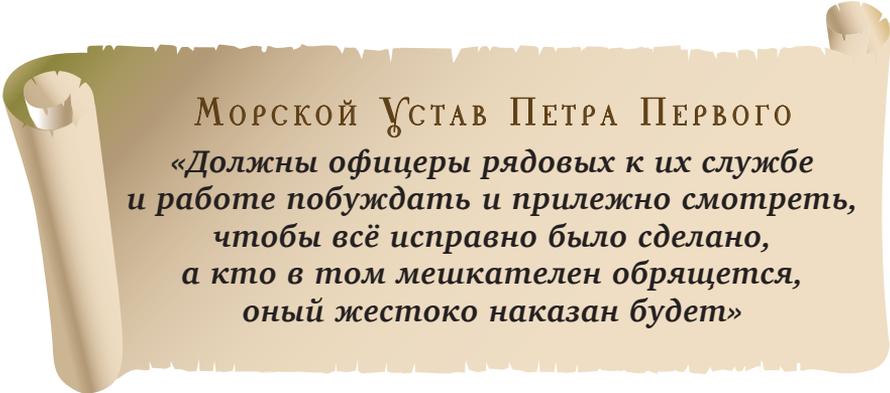
– О замене гороха на ячневую, которая лучше хранится в морском путешествии.

Он болеет за свою службу и хочет, чтобы все происходило быстро и успешно. Сражается за каждую экспедиционную копейку. В провинциальных канцеляриях снижает цены на дощаники, отказывается переплачивать за бочки для масла и за сани для перевозки снаряжения. Придирчиво осматривает каждую речную барку и не принимает работу, если считает, что построены корабли ненадёжно.

За порученное дело переживал и дрался. Часто в прямом смысле. И, конечно, за годы в экспедиции приобрел множество

врагов. Десятки доносов направлялись на него командору Берингу и в Сенат. Писарь Михайло Перевалов в мае 1735 года жалуется, что *«на реке Кеть без всякой моей вины господин капитан сначала ударил меня в щеку. Затем палкой по голове, а собака его изорвала на мне кафтан. А многих других ботажем бил и временами с судна бросал в воду»*.

Был ли Шпанберг жесток? В отношении людей, которые, по его мнению, выполняли свои обязанности плохо, поступали нечестно – да был, по современным меркам, жесток. При этом его поступки никогда не противоречили Морскому Уставу.



МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО
«Должны офицеры рядовых к их службе и работе побуждать и прилежно смотреть, чтобы всё исправно было сделано, а кто в том мешкателен обрящется, оный жестоко наказан будет»

По характеру Мартын Петрович напоминал Петра Первого: энергичен, импульсивен, вспыльчив, но справедлив. Конечно, его действия жалобщики часто демонизировали, желая обязательно добиться для Шпанберга наказания. Например, на пути из Якутска в Охотск, у Алданской переправы, к Мартыну Петровичу подошёл якут и пожаловался, что ботовых дел мастер Рогачев отнял у него корову. По свидетельству очевидцев расправа была стремительной: Шпанберг трижды ударил Рогачева тростью и велел корову вернуть! Что и было сразу выполнено. Однако, через два года злопамятный Рогачев написал жалобу, что, якобы, Шпанберг его изувечил, но при этом не указал за какой проступок. Рогачев был адмиралтейским служителем, поэтому кража у местного жителя ему грозила серьёзными последствиями, если бы Шпанберг отдал его под суд.

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО

*«Посланные на берег свой, приятельский или неприятельский, не дерзают никакой обиды чинить тамошним жителям под таким штрафом или наказанием, как бы они учинили обиду между своими товарищами...
...Ежели украдет у товарища своего...
то в зависимости от тяжести преступления, имеет быть повешен или, вырезав ноздри, с наказанием сослан будет навечно на галеру»*

Так что Рогачев, благодаря Мартыну Петровичу, избежал гораздо более жёсткой кары, однако гуманность Капитана Флота не оценил.

Из-за присутствия Шпанбергу вспышек гнева, слава о его крутом нраве катилась по Сибири. Есть свидетельство, что как-то встретил он торговца рыбой и спросил: «А почему же не приезжаешь продавать её экспедиции?» На что торговец ответил: «Слышали мы, идёт на судах какой-то капитан-иноземец и нашу братию очень больно бьёт и травит собаками. Вот этого капитана и боимся!» Мартын Петрович только рассмеялся в ответ. Работящих и полезных экспедиции служивых он любил и защищал. Шпанберг, впрочем, как и капитан Чириков, не щадил пьяниц, воров, лодырей, а особенно бунтовщиков, ставивших под угрозу выполнение государственного задания.

«...Заводчиков сему злу приказал посадить в колодки за помянутые противности, дабы какого зла больше не произошло, приказал прочесть им регламент и учинить штраф. 5 человек высечь кошками умеренно, дабы впредь другим образец».

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО
«Ежели кто бунтовать будет,
или капитан и офицеры усмотрят,
что люди к тому склонны, такой вины
не отсрочивать, понеже в отсрочке может
бедство последовать...
Чинить экзекуцию немедленно»

Шпанберг был очень властный человек. И часто превышал данные ему полномочия – постоянно вмешивался в дела местных администраций, считая, что интересы экспедиции превыше всего. Никого не спрашивая (но чаще просто не дождавшись ответа на свои запросы), забирал для экспедиции инструменты, провизию со складов, скот, привлекал людей для работы. Причем часто не делал разграничения между собственными и казенными нуждами, как не делал и различия между своей жизнью и экспедицией. Из жалобы на Шпанберга писаря Перевалова: *«В мае 1735 года сделаны в зимовьях четыре судна, из которых два нагрузили казенным провиантом, а два его провиантом и проводили вверх по Юдоме, а далее за маловодьем идти было невозможно и собранный его провиант до места доставлен был с великим и тяжким трудом государевыми людьми, которым за труды от него платы не было»*. Но по каждому доносу Шпанберг мог оправдаться. И о своих действиях обязательно докладывал командору с объяснением и перечнем всего, что было изъято для государственной пользы. Беринг отчитывал подчиненного, но больше для формы: *«Объявил мне командир Охотского правления, что Вы взяли некоторую часть провианта. Извольте отдать возвратно и впредь ничего без ведома не брать и ни в какие дела не вступать»* (Беринг – Шпанбергу, март 1735 г.).

Командор видел за всеми жалобами и доносами, прежде всего, стремление Мартына Петровича к успеху экспедиции.

Серьезный конфликт возник у Шпанберга с начальником Охотского порта Скорняковым-Писаревым. По словам Григория Григорьевича, Капитан Флота *«взял острог в своё командование»*: наказывал и миловал, собирал ясак, распоряжался служивыми. Но в доносе не сказано, что в это время Охотский порт находился без какого-либо присмотра, т.к. сам Скорняков-Писарев жил в Якутске. И Шпанбергу пришлось, чтобы спасти людей от голода, арестовать продуктовые склады и начать выдавать служивым продовольствие по установленной им самим норме. Как он позже докладывал: *«Дача была не полная, однако ж ни один человек с голоду не умер и тяжкой болезни не понес»*. Но рапорты от Скорнякова-Писарева с обвинениями Шпанберга в самоуправстве непрерывно шли через всю страну в Санкт-Петербург.

Мартын Петрович не терпел любого противодействия себе. Пока ему подчинялись, соглашались, не указывали, не мешали действовать так, как считал нужным, он был весьма любезен. Вот как сердечно Шпанберг обращается в письме к капитану Чирикову: *«Здравствуйте, государь мой, Алексей Ильич! Честное ваше имя да сохранит Господь Бог на долгие лета! Услышал о вашем пути в Охотск и очень обрадовался. Даруй Бог, чтобы вы, государь мой, благополучно прибыли»*. Но лишь только Чириков прибыл в Охотск и начал работать рядом со Шпанбергом, то между двумя заместителями Беринга мгновенно возникли конфликты, которые позже переросли в непримиримую личную вражду.

Читая документы о Шпанберге, постоянно испытываешь противоречивые эмоции: то восхищение, то неприятие. Однако подкупает в этом офицере смелость и полное игнорирование чинов и званий своих противников. Он вступал в споры с начальством и даже бесстрашно не выполнял их приказов, если был уверен, что это не идёт на благо экспедиции. Он защищал крестьян от произвола приказчиков, тунгусов от сборщиков ясака, служивых от начальников, если понимал, что люди не виновны. Отстаивал необходимость более мягких требований к крестьянам, которые привлекались к работам для экспедиции.

Из письма Шпанберга в Илимскую канцелярию от 11 января 1734 года:

«Надлежит учинить такой распорядок к перевозу провианта, дабы оные крестьяне за дальним перевозом не пришли во всеконечное разорение... и за провоз их платою по указу награждать».

У Беринга требовали приструнить, наказать, арестовать строптивного офицера. И, возможно, не будь Мартын Петрович столь симпатичен Берингу и важен для общего дела, так бы и произошло. Но командор понимал: Шпанберг с его невероятной силой воли, неукротимой энергией и, пусть даже, буйным нравом является тем тараном, благодаря которому экспедиция движется вперёд. Думаю, Берингу импонировало поведение Шпанберга, ведь очень часто человека притягивают в других людях те черты характера, которыми не обладает сам. Спокойного и законопослушного капитан-командора восхищало в Мартыне Петровиче умение идти наперекор начальству. Нравилось, что Шпанберг, при всей горячности, справедлив и смел, и так же, как сам Беринг, жалеет работающих людей. Отправляя служивых забрать для экспедиции хлеб у крестьян-неплательщиков, строго приказывал: *«Обид и разорения не чинить под опасением военного суда!»* Также, был случай, когда Мартын Петрович бросился в реку, чтобы спасти тонущих солдат с перевернувшейся лодки. А как-то на пути к Юдомскому Кресту отряд Шпанберга попал в сильные морозы и снегопад.

Строки из его рапорта от 19 января 1727 года:

«Имели великую нужду в провианте, ничего у людей не стало. Я свой провиант – муку пшеничную, крупу, мясо, горох всё роздал людям и вместе с ними ровно такую же нужду имел. Видя такой голод, пошел я один к Кресту, чтобы оттуда послать людям навстречу провиант. 10 часов шел 60 вёрст и сразу отправил двух солдат на двух нартах с четырьмя пудами муки. И велел поспешать как можно. Когда солдаты к людям прибыли, те уже ели от нарт ремни, сумы, обувь, одежду и собак».

А что в это время делает Мартын Петрович? Нет, он не остался в тепле избы. Чуть отдохнув, идёт по морозу обратно, на встречу своим подчиненным:

«Последних встретил я за 10 вёрст от Креста и привел с собою пополудни в пятом часу всех. Пересмотрел служивых и приказал комиссару дать им по пуду муки, мясо и рыбу и велел людям спать и отдыхать».

Кто после прочтения данного рапорта решится назвать этого офицера жестоким?

Мартыну Петровичу вменяют ещё один грех – жадность, попрекая, что он в декабре 1741 года ответил отказом на просьбу Чирикова предоставить штурмана и такелаж для второго похода к Америке. В своём ответном письме Капитану Флота Чирикову Шпанберг сообщил, что людей и снаряжения не хватает, а ему необходимо, выполняя Инструкцию, повторно отправиться в 1742 году к Японии. Современные краеведы сетуют: *«не только штурмана Ртищева, но и подштурмана Родичева не отдал! И всё из-за негативного отношения к Алексею Ильичу. Не захотел поделиться, а ведь у них одна государственная задача была!»* Однако, исследователи явно предвзяты к Шпанбергу, иначе бы выяснили, что Мартын Петрович всего лишь исполнял Морской Устав и просто не имел права передавать кому-либо ни снаряжение, ни специалистов из своей команды. Так что это не «жадность», а дисциплина.

МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО

«Когда капитан будет во флоте или в эскадре, то не должен он ссужать другой корабль ни снастями, ни ружьём и никакими другими припасами без указа командующего»

безъ указу не ссужать другога ничьмъ.

Когда капитанъ будещь во флотѣ, или въ эскадрѣ, шо не долженъ ссужать другога карабль ни снасьми, ни ружьмь, ниже какими иными припасами, безъ указу Аншефъ командующаго.

Кто въденіемъ и волею указъ преступитъ.

Всякъ каковабъ чину и достоинства нбыль, кто въденіемъ и волею противъ нашихъ указовъ и повелѣній преспуитъ, за шо казненъ будещь смертію. А ежели кто невѣденіемъ указъ или повелѣніе преспуитъ, шошъ по разсмотренію дбла наказанъ быль имѣетъ.

СТРАНИЦА ИЗ МОРСКОГО УСТАВА 1720 ГОДА

По Инструкции Адмиралтейств-коллегии Капитан Флота Шпанберг должен был возглавить Южный отряд, «осмотреть и описать Курильские острова, потом идти к самой Японии и разведывать о ее состоянии и портах». Шпанберг справился с этим заданием. Открыл и определил местоположение 29 островов Курильской гряды, дал им названия и обозначил на карте. А 22 июня 1739 года состоялась его встреча с жителями Японии.

Так получилось, что корабли «Архангел Михаил» под руководством Шпанберга и «Святой Гавриил», которым командовал лейтенант Вальтон, в море разлучились на пути к Японии, и обратно шли по отдельности. Вальтон вернулся в Охотск на неделю раньше Шпанберга. Подал рапорт Берингу, а тот поторопился отправить отчет в Адмиралтейство-коллегию об открытии северного пути в Японию. Впервые с восточной стороны пройдены все Курильские острова, русские моряки

побывали на северо-восточном побережье Хокайдо и Хонсю, где еще не ступала нога европейца.

Можно представить, как был раздосадован и обижен самолюбивый Шпанберг, поняв, что об успехе похода, которым он руководил, правительство России узнает не от него. Он рвался в Санкт-Петербург, чтобы лично привезти туда материалы экспедиции. Даже доехал до Якутска, но там вдруг получил распоряжение не следовать самому в столицу, а отправить вахтенный журнал и карты с посыльным.

Амбициозный Шпанберг раздражен. Он осознаёт значимость своего открытия, по праву гордится им и хочет получить полагающуюся славу. Делает новые запросы, но только в апреле 1740 года ему разрешили выехать в Санкт-Петербург, однако из-за распутицы не смог отправиться сразу. А пока ждал установления дороги, в столице произошли события, повлиявшие на его дальнейшую судьбу. Люди, которые благоволили Шпанбергу, подверглись репрессиям. Кабинет-министр Артемий Петрович Волынский был арестован по обвинению в заговоре против фаворита императрицы Эрнста Бирона и казнён, вице-президент Адмиралтейств-коллегии Фёдор Иванович Соймонов, по тому же делу, бит кнутом и сослан в Сибирь. Шпанберг, пусть косвенно, но тоже впадает в немилость и уже в пути получает новый приказ: немедленно вернуться в Охотск под командование Беринга. В Петербурге его видеть не желают.

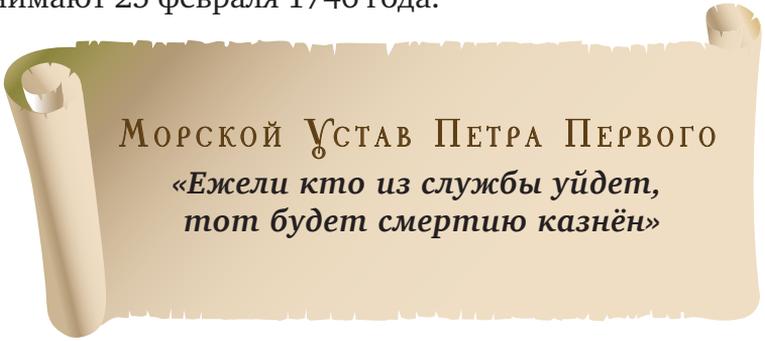
Что творилось в душе капитана трудно представить. Прибыл в Охотск, но там его ждал новый удар: буквально следом доставляют распоряжение «Шпанбергу возвращаться в Якутск» на дознание по доносам Скорнякова-Писарева. Подчиняется. Опять 800 вёрст по бездорожью от Охотского моря до Якутска. В процессе следствия Мартын Петрович не соглашается ни с одним обвинением и не перекладывает ответственность ни на одного своего подчинённого. В итоге его признают невиновным и отпускают в Охотск готовиться к новому плаванью в Японию. Однако, из-за плохой погоды летом 1742 года поход оказался неудачным.

Год 1743 посвящён исследованиям Охотского побережья. Ремонту судов и строительству новых. Шпанберг планирует следующую навигацию, но весной 44-го ему поступает Указ о приостановке деятельности экспедиции и требование: участникам команды Шпанберга ждать в Томске дополнительных распоряжений.

Ждать всегда тяжело, тем более такому импульсивному человеку. К тому же последние три года Мартын Петрович был в крайне тяжелом психологическом состоянии. Надежды рушились, взлеты заканчивались падениями, его, заслуженного капитана, противоречивыми Указами гоняли по Сибири, ему приходилось отбиваться от многочисленных и часто несправедливых обвинений. Задуманный поход к Японии оказался неудачным. И вот теперь предстояло сонное проживание в Томске: бессрочное ожидание то ли прекращения экспедиции, то ли её возобновления.

Капитан Флота Шпанберг с трудом переносил отсутствие ясной цели. Пословица «солдат спит – служба идет» не про него. Думаю, в Томске он был близок к нервному истощению. Поэтому, не выдержав бездействия, без разрешения Адмиралтейств-коллегии, в 1745 году выезжает в Санкт-Петербург. Знает, что за такое своеволие, по Морскому Уставу, ему грозит суровое наказание, но тоскливое сидение в Сибири для него невыносимо.

Мартын Петрович 5 ноября является в Адмиралтейств-коллегию. А 14 ноября начинается следствие по его делу за самовольный отъезд с места службы. Решение об аресте принимают 25 февраля 1746 года.



МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО
*«Ежели кто из службы уйдет,
тот будет смертию казнён»*

Но Шпанберга, учтя заслуги в экспедиции, не казнили, а приняли решение о понижении в чине на три месяца. До декабря 1748 года он находился под стражей, после чего был освобождён с сохранением чина капитана полковничьего ранга.

Казалось бы, всё теперь хорошо: Мартын Петрович снова в море, снова командует кораблями. Но в 1749 году ему поручили перегнать новый линейный корабль «Варахаил» из Архангельска в Кронштадт. При выходе из порта корабль неожиданно опрокидывается. Погибает 28 человек! Мартын Петрович вновь арестован. Первоначально приговорён «навечно к ссылке на галеры». Но следствие возобновилось и через два с половиной года пришло к выводу в невиновности капитана и Шпанбергу разрешают вернуться на флот.

С 1757 года Мартын Петрович командует на Балтике линейным кораблём «Святой Иоанн Златоуст». Но все перипетии прошедших лет: опасные морские походы, гибель товарищей, несостоявшиеся планы, аресты, тюрьмы, разбирательства по доносам – не прошли даром. Только в 1758 году прекращено «меховое дело», начавшееся в 36-ом, когда, безосновательно, на Майском устье Скорняковым-Писаревым был арестован груз с мехами, купленными Мартыном Петровичем. 22 года ему пришлось доказывать свою невиновность. Доказал. Оправдан. Но чего это стоило! Шпанберг сломлен и морально, и физически. Окончательно подрывает его здоровье отказ Адмиралтейств-коллегии в производстве в капитан-командоры с обидной формулировкой: «за старостию и в капитанах быть не способен».

Мартын Петрович скончался в Кронштадте 15 сентября 1761 года. С воинскими почестями похоронен на Богоявленском кладбище. Его дети, дочь Анна и сын Андрей, связали свою жизнь с Россией. Анна Мартыновна вышла замуж за лекаря камчатских экспедиции Филиппа Буцковского, жила в Кронштадте. Андрей Мартынович, участвовавший вместе с отцом в походах к Японии, стал военным инженером. Отвагой и энергией не уступал капитану Шпанбергу, в 1750 году даже подавал в Правительствующий Сенат проект о новом плавании

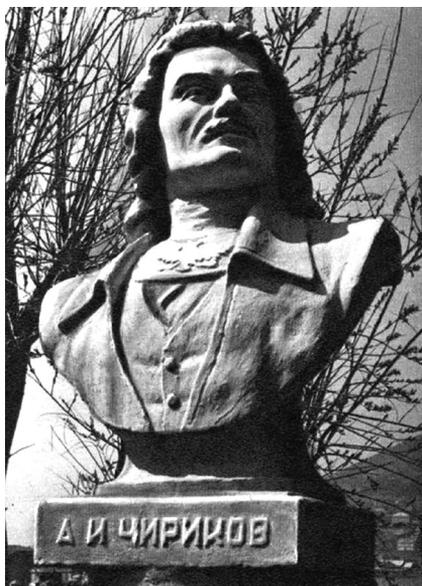
к Японии и установлению с ней торговых отношений, и высказывал *«ревностное желание там еще быть и лежащие острова обстоятельно описать и высмотреть»*.

Мартын Петрович Шпанберг – одна из самых противоречивых фигур камчатских экспедиций. Самоуверенный и резкий, справедливый и бесстрашный. Человек жёсткий, но не жестокий, как представляют его некоторые историки. Его действия соответствовали нравам и законам XVIII века, а ещё необходимости, во что бы то ни стало, выполнить государственное поручение. Заслуги этого мореплавателя для нашей страны неоспоримы и имя Шпанберга навсегда осталось в славной истории Российского флота и на географической карте мира.

КАПИТАН ФЛОТА АЛЕКСЕЙ ЧИРИКОВ

Капитан Первого ранга **Алексей Ильич Чириков**. Командир пакетбота «Святой апостол Павел» – второй заместитель Витуса Беринга. Я не оговорился. Именно второй после Шпанберга. Хотя оба они были в одном чине, но Мартыну Петровичу раньше присвоено звание и, согласно Морскому Уставу, он являлся старшим в экспедициях после капитан-командора. Кроме того, практического опыта мореплавания у Алексея Чирикова было меньше, чем у Шпанберга. Да, он блестяще закончил Морскую Академию, сдавал экзамены самому Императору Петру Великому. Как один из лучших выпускников, сразу получил чин унтер-лейтенанта, минуя мичмана. Великолепно знал навигацию и поэтому через год, специальным приказом,

назначен преподавателем в Морскую Академию, а ведь ему тогда исполнилось всего 19 лет. Именно из-за преподавательской нагрузки, Чириков не так часто, как другие выпускники Академии, выходил в море. Собственно, настоящий морской опыт он получил только в Первой Камчатской экспедиции.



ПАМЯТНИК А.И. ЧИРИКОВУ.
(СКУЛЬПТОР
ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ
ОЩЕПКОВ)

Портрета Алексея Чирикова не сохранилась. Но на многочисленных картинах, рисунках, скульптурных изображениях художники представляют его нам высоким, широкоплечим, с красивым и волевым лицом... Каким же ещё может

быть бесстрашный капитан? А между тем Алексей Ильич о себе писал: «*Сам я от природы не крепок...*». Что стоит за этими словами? Он был невысокого роста и субтильного телосложения? Но если даже и так, у россиян не изменится восхищенное к нему отношение. Потому что именно этот русский мореплаватель первым достиг берегов северо-западной Америки, проявив в походе необыкновенную стойкость.

По сегодняшним меркам, Алексей Ильич был многофункциональный специалист, разбиравшийся одинаково хорошо и в мореплавании, и в хозяйственной деятельности.

Во Второй Камчатской экспедиции на Чирикова было возложено множество обязанностей. Контроль за изготовлением на уральских заводах пушек и якорей, закуп и отправка провианта к Охотскому морю, определение оптимальных маршрутов передвижения и подготовка сухопутных дорог для перевозки тяжелых грузов. А ещё Алексей Ильич, как православный штаб-офицер, занимался в экспедиции церковными делами, например, организацией походной церкви, заказом для неё икон, доставкой богослужебных книг и облачения священников.

Церковь играла огромную роль при проведении таких тяжёлых походов, когда постоянный изматывающий труд грозил превратить человека в загнанное животное, когда служивым нужно было только работать и подчиняться. Часто измученным людям негде было черпать силу, кроме как в молитве. И верить, что за все труды воздастся, надеяться, что Бог услышит, смилостивится и следующий день станет легче. «*Господи Иисусе, научи нас любви, кротости, смирению и укрепи нас в добродетелях*».

Экспедиционные священники учили смирать человеческую гордыню, одолевать уныние и видеть вокруг себя не только грязные казармы, разбитые дороги, могилы товарищей, но и уметь умилиться красоте бабочки или цветка на обочине, обрадоваться сытной каше на ужин, восхититься величием гор. И ежедневно благодарить Бога за счастье жить, двигаться, созерцать.

Поход к Америке в 1741 году стал пиком в жизни и карьере Алексея Чирикова и прославил его имя для потомков. Но цинга, которой он заболел в этом плавании, привела его, через несколько лет, к преждевременной смерти.

В июне 1741 года пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел» потеряли друг друга в туманном океане. Не зная, что случилось с кораблем Витуса Беринга, капитан «Святого Павла» Алексей Чириков принял решение выполнять порученное задание самостоятельно и через месяц, на сутки раньше Беринга, подошёл к американской земле. И тут, когда главная цель экспедиции была достигнута, и осталось только исследовать неизвестные берега, а затем с триумфом возвратиться домой – происходит трагедия.

18 июля к американскому берегу с пакетбота отправляют лодку. На ней 11 моряков. Лодка уходит и... исчезает. Обговоренных заранее сигналов не подает. В тревоге Чириков ожидает пять дней. Вахтенные матросы и офицеры почти непрерывно осматривают побережье в зрительную трубу. И вот 23 июля крик с марсовой площадки: огонь на берегу! Кто-то разложил сигнальный костер! На борту «Святого Павла» ликование, моряки не сомневались, что это их товарищи дают о себе знать. Но лангбот от берега не отходит, и Чириков предполагает, что он разбит при высадке. На корабле остается одна небольшая лодка – ялбот, и капитан приказывает отправить его на помощь. Ещё четверо служителей, с инструментами для ремонта, уходят к земле и... тоже бесследно исчезают. Переживания на борту достигают предела, но вдруг, через два дня, моряки увидели, что к пакетботу идут лодки! Однако, скоро бурная радость сменяется оцепенением: это не шлюпки «Святого Павла», а байдары местных жителей, которые, увидев на корабле множество людей, разворачиваются и спешат обратно к берегу. Догнать аборигенов морякам не на чем. Пакетбот ждет ещё два дня, погода портится, и офицеры на консилиуме одобряют решение капитана уходить к Камчатке.

Можно представить отчаяние Чирикова, понимавшего, в какое ужасное положение попала команда. Потери не только

люди, но и все лодки. Без них нельзя обследовать побережье и, что самое трагичное – невозможно пополнить запасы пресной воды. А до спасительной камчатской гавани более полутора тысяч миль.

Думаю, что мысли о правильности своего приказа послать к берегу последнюю лодку терзали Алексея Ильича до конца жизни. Не отправить её он не мог – возможно, людям на берегу требовалась помощь. Но, отправляя ялбот, капитан ставил под угрозу выполнение государственного задания и благополучное возвращение домой оставшейся команды.

«Грех на мне, – писал он позже Шпанбергу. – Ялбот и другую лодку с 15 служителями потерял и стал к продолжению экспедиции неспособен, потому что воды на пакетбот доставить не на чем. И вынужден я был прежде времени возвращаться в здешнюю гавань».

Более двух месяцев продолжался путь «Святого Павла» к Камчатке. Шторма, холод, встречные ветра, недостаток продовольствия и, главное, воды. А ещё цинга, одолевшая почти всю команду. В середине сентября слёг и капитан Чириков. Когда пакетбот, 10 октября 1741 года, наконец, зашёл в Авачинскую бухту Алексей Ильич был при смерти.

«Господина капитана Чирикова привезли на берег едва живого. И он долго еще лежал на смертной постели» (Из письма студента Горланова, осень 1741 г.).

Чириков и сам не верил, что выживет. В декабре 1741 года в письме сообщает: *«И поныне очень болен и самостоятельно на постели повернуться не могу. И буду ли жив – Бог весть. Нахожусь в сильной слабости, а ноги в цинготных пятнах и жилы у ног сведены, также коренные зубы ослабли и до сих пор шатаются».*

Как же смог этот человек, «некрепкий от природы», не умереть и выдержать испытание жаждой, болезнью, сложнейшей ежедневной работой? Безусловно – железный характер и присутствие духа. Безусловно – ответственность за корабль и подчиненных ему людей. Но был ещё один фактор, заставляющий

Алексея Ильича сопротивляться смерти. В Петропавловском порту его ждал сын.

Я уже говорил, что на Камчатку в 1740 году на пакетботе «Святой Пётр» прибыл одиннадцатилетний мальчик – волонтер Лаврентий Ваксель. Но почти никому не известно, что на борту пакетбота «Святой Павел» находился и другой ребенок – сын капитана Алексея Чирикова, восьмилетний Василий. Когда пакетботы в июне 1741 года ушли к берегам Америки, Василий был оставлен в Петропавловске со слугой Чирикова, дожидаться возвращения отца.

Студент Академического отряда Алексей Горланов, описывая свое пребывание в Петропавловске летом 1741 года, сообщает: *«За высокую милость я капитана Чирикова должен благодарить, потому что, живучи при гавани Святых апостолов Петра и Павла, я довольствован был его столом. С сыном его вместе обедал и ужинал и сына его учил по-латински».*

Преданный морскому делу Алексей Ильич мечтал, чтобы сын пошёл по стопам отца и хотел с детства приучать его к морскому делу. Но слишком мал был ещё Василий, чтобы руководитель экспедиции Витус Беринг разрешил взять мальчика в многомесячное плавание к Америке, поэтому ребёнок остался жить в Петропавловском порту.

Помимо переживаний за живучесть корабля во время штормов и туманов, за потерявшийся пакетбот Беринга, за пропавших на Алеутских островах моряков, за погибающих от цинги членов команды, Алексея Ильича все эти месяцы не покидала тревога за оставленного на Камчатке Василия.

Уже через неделю после прихода «Святого Павла» в Петропавловскую гавань, капитан Чириков, преодолевая невероятную слабость и боли в ногах, приступает к выполнению своих обязанностей и, лёжа в кровати, диктует писарю донесения в Адмиралтейств-коллегию и рапорты в Правительствующий Сенат.

В декабре 1741 года он отправляет в Санкт-Петербург солдата Семена Сплавшикова с рапортом об открытии неизвестных

ранее земель, вахтенным журналом и картою. Чувствуя вину за не доведённое до завершения порученное дело, он готов, невзирая на болезнь, летом 1742 года, снова выйти в плавание для исполнения Указа о продолжении исследования американского побережья и островов. Но смело могу сказать, что не только воинский долг заставляет его готовиться к новому походу, но и желание попытаться найти пропавший корабль Беринга. В глубине души он надеется, что экипаж «Святого Петра» спасся на каком-то из океанских островов. Ну а если же корабль разбился у неизвестной земли и люди погибли, то надо хотя бы похоронить по-христиански останки моряков.

Алексей Ильич ведёт подготовку к морскому походу, хотя чувствует себя очень плохо и понимает, что из-за подорванного здоровья уже не сможет так же, как раньше, выполнять свои обязанности. Ему даже совестно получать прежнее жалование, поэтому с октября 1741 по октябрь 1742 года четырежды пишет челобитные с просьбой освободить его от службы и разрешить вернуться в Санкт-Петербург. *«Большую чувствую в себе слабость и в экспедиции быть не способен... мне, живущего здесь за болезнью в праздности, только напрасно будет жалованье производиться».*

Кроме физического недомогания, Алексей Ильич угнетён гибелью своих людей и исчезновением в море пакетбота «Святой Пётр». Но всё же в мае 1742 года Капитан Флота Чириков на пакетботе со старым такелажем, с ещё не оправившимися от болезни служителями, *«пренебрегая все означенные недозволения»* вышел из Авачинской бухты в открытый океан. Через две недели обнаружили и нанесли на карту неизвестный остров, назвав его островом Святого Феодора (современное название о. Атту). Из-за неблагоприятной погоды и плохого самочувствия моряков, высаживаться не стали. Алексей Ильич не стал рисковать кораблём и продолжать исследования: *«От трудов настоящей кампании вынужден был многие ночи пробыть без сна, несходно с палубы и пришёл в такую слабость, что насили ходил. А помощника имел только одного – мичмана Елагина, да и он в здоровье был нетвёрд».* Капитан принимает

решение брать курс к Петропавловской гавани. При возвращении моряки «Святого Павла» увидели ещё один остров и назвали его островом Св. Иулиана:

«Лесу на нем большого и травы зеленой нет, весь в горах и крутой берег, а на горах много снегу. При нем же видели множество котлов морских».

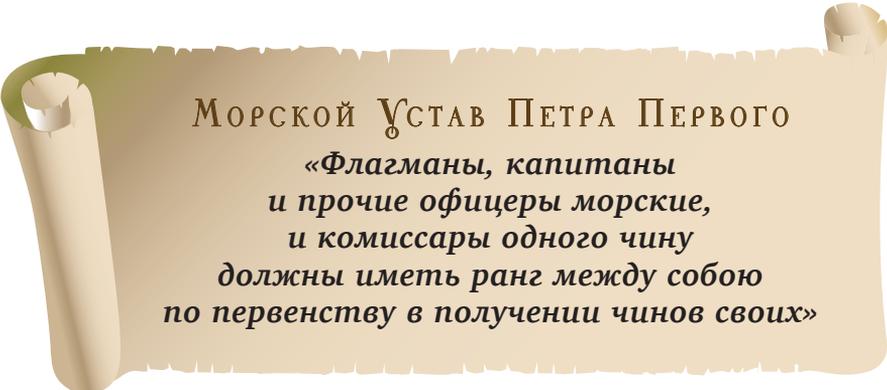
Не подозревал Чириков, что прямо сейчас, на противоположном берегу этой неудобной земли, выжившие члены команды «Святого Петра» из обломков пакетбота строят гукор, чтобы отправиться к Камчатке.

Продолжая, хоть и с трудом, выполнять служебный долг, Алексей Ильич часто думает о доме, о семье, о возвращении в родные края: *«Из-за длительного моего пребывания в экспедиции дом и небольшие деревни, которые я имею, без присмотра разоряются. А если ещё удержан буду в экспедиции, то в конец разорятся, и впредь приехать будет не к чему, и жить мне, и жене моей, и детям будет негде, и пропитаться не от чего»* (**Челобитная Чирикова, октябрь 1742 года**).

Кроме опасений за свой оставленный дом, у Алексея Ильича ещё другая обеспокоенность: его всё сильнее раздражает поведение Капитана Флота Шпанберга. Чириков считает, что тот самовольно, в отсутствие Беринга, присвоил себе руководство экспедицией. Алексей Ильич рассуждает, что если Беринг в американском походе являлся его непосредственным начальником, то после смерти командора, именно он, Чириков, должен взять на себя руководство всей экспедицией. Но Шпанберг, действуя по Уставу, распоряжается на своё усмотрение провиантом, людьми, в том числе из команды «Святого Павла», вскрывает корреспонденцию на имя Беринга и, порой, даже не считает нужным уведомлять об этом Чирикова. Возмущенный Алексей Ильич пишет ему: *«А с чего Ваше благородие указы Ея Императорского Величества, писанные на имя господина капитана-командора Беринга, изволиете один распечатывать и к себе забирать? Указа, чтоб Вам над всею Камчатскою экспедицию главную иметь команду, ко мне не прислано. Знаю, что Вашему благородию поручена*

особая экспедиция, а господину капитану-командору Берингу общая со мною отдельная экспедиция. Поэтому из-за неприбытия господина капитана-командора из похода, я без него уже вел письменные дела и справки чинил, и отвечал за исполнение инструкций. И без особого императорского Указа никому главные экспедиционные дела отдать не смею» (**Письмо Чирикова Шпанбергу от 13 ноября 1742 года**).

Мартын Шпанберг, по своему обыкновению, отвечает жёстко и язвительно, а также напоминает, что именно он получил звание Капитана Флота раньше, а значит, в соответствии с воинским артикулом, именно ему принадлежит руководство.



МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО
«Флагманы, капитаны
и прочие офицеры морские,
и комиссары одного чину
должны иметь ранг между собою
по первенству в получении чинов своих»

Между Чириковым и Шпанбергом давние разногласия. Но если для Шпанберга, имеющего множество врагов, закаленного в ожесточённых спорах и противостояниях, Чириков лишь очередной оппонент, то Алексея Ильича эта ситуация сильно нервирует. Даже приняв решение уйти со службы и написав челобитные с этой просьбой, он не желает оставшееся время быть под командованием своего недруга. Чириков не любитель сутяжничества и, чтобы не расстраиваться ещё больше, прекращает всякую переписку со Шпанбергом, но при этом отправляет в Адмиралтейств-коллегию объёмный многостраничный рапорт, где перечисляет все проступки (реальные и вымышленные) Мартына Петровича. Правда, этот рапорт по стилистике мало похож на донос. Как-то совсем по-детски Алексей Ильич жалуется и хвастается: «Трудов

моих в экспедиции больше его было, хотя он и старше. Все тяжелые припасы, и материалы, и вся артиллерия в Якутск мною привезены. А сколько на Усть-Куте и в прочих местах я судов построил. По моим предложениям описана наилучшая к охранению морских кораблей Петропавловская гавань. И, если по правде сказать, так его Шпанберга больших трудов и не видно» (**Рапорт Чирикова от 13 декабря 1742 года**).

В этом длинном и даже каком-то трогательно-жалобном сочинении проявляется полное отсутствие доносительского опыта автора. Стиль рапорта порой переходит в совершенно сказочный: «И стал Шпанберг командовать всеми, и к ясашиному сбору людей определять и посылать, и сам в приказной избе заседать».

Адмиралтейств-коллегия так и не рассудила двух капитанов. Так и не назначила из них главного, потому что меньше чем через год после отправления этой жалобы, Вторая Камчатская экспедиция была приостановлена Высочайшим Её Величества Императорским Указом. Каждому из заместителей Беринга было приказано со своею частью команды оставаться в Сибири для дальнейших распоряжений.

Далее жизненные пути офицеров разошлись. У Алексея Ильича впереди было пять спокойных и, надеюсь, счастливых лет. По предписанию Сената в 1746 году Чириков, вместе с женой и детьми, вернулся в Санкт-Петербург. Участвовал в составлении итоговой карты русских открытий в северной части Тихого океана. Указом от 7 сентября 1747 года пожалован в капитан-командоры, возглавил московскую контору Адмиралтейств-коллегии. Но здоровье его быстро ухудшалось и, прослужив всего несколько месяцев в новой должности, Алексей Ильич скончался от чахотки и последствий цинготной болезни в возрасте 45 лет, не оставив достойного наследства своей семье.

Только в 1759 году его сыновьям и дочерям Императорским Указом было выдано за отцовскую службу «из банка денег 4000 рублей на 6 лет без процентов», а в 1763 году Указом Екатерины Второй «пожаловано каждому по 50 душ крестьян» (средняя стоимость крепостного составляла 150–200 рублей).

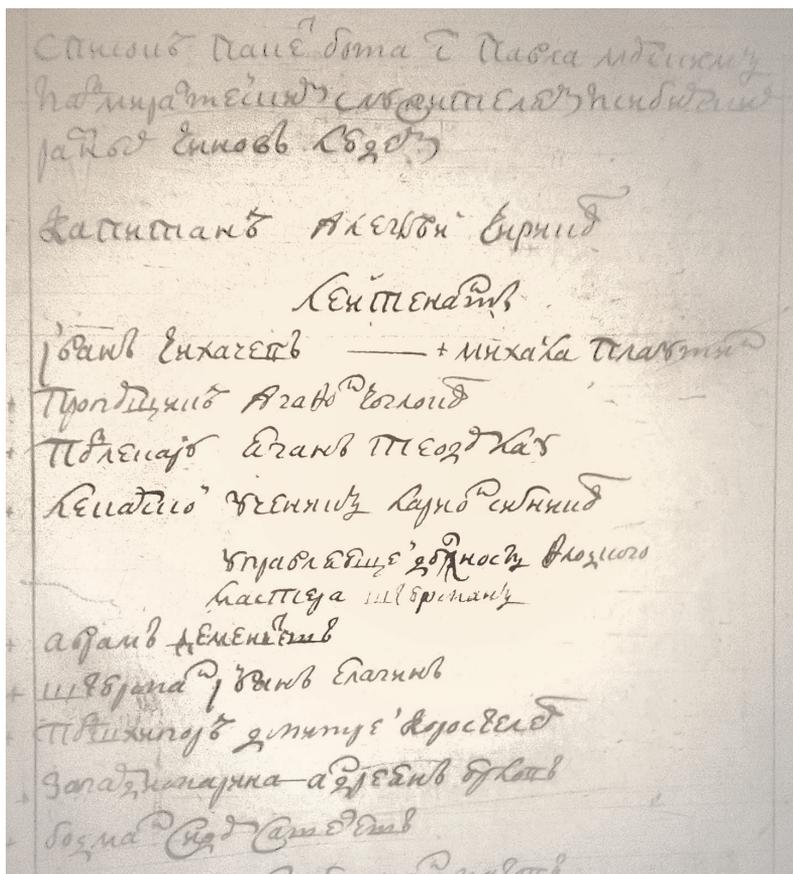
Историки до сих пор пытаются разыскать место захоронения Алексея Ильича. Предположительно, капитан-командор Чириков был похоронен в родовом имении – в деревне Лужное Тульской губернии, где до сегодняшнего дня еще сохранился на сельском кладбище фамильный склеп семьи Чириковых. Возможно, что именно в этом склепе и находятся останки знаменитого русского мореплавателя. На месте усыпальницы Чириковых, над возможной могилой Алексея Ильича, в 2000 году установлен трёхметровый памятный крест.



ПАМЯТНЫЙ КРЕСТ
НА ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ МОГИЛЕ
А.И. ЧИРИКОВА

КОМИССАР АГАФОН ЧОГЛОКОВ

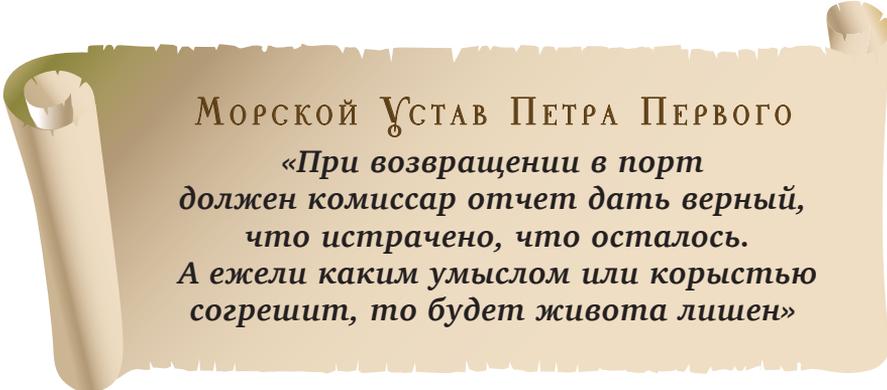
Если вы посмотрите на список команды пакетбота «Святой апостол Павел», то сразу после Капитана Флота Чирикова и двух его заместителей, лейтенантов Плаутина и Чихачева, прочитаете: прапорщик **Агафон Чоглоков**. А списки в то время составляли в порядке значимости исполняемой должности. Агафон Савельевич Чоглоков на «Святом Павле» в должности комиссара занимал третью позицию после командира и заместителя.



СПИСОК ЧЛЕНОВ КОМАНДЫ ПАКЕТБОТА
«СВЯТОЙ АПОСТОЛ ПАВЕЛ» (ИЗ РАПОРТА БЕРИНГА
В АДМИРАЛТЕЙСТВЪ-КОЛЛЕГИЮ ОТ 29 МАЯ 1741 Г. РГА ВМФ)

Что такое корабельный комиссар в XVIII веке? По сути, это человек, отвечающий за жизнь команды. Потому что именно комиссар закупал провиант для похода, рассчитывал его количество в зависимости от продолжительности плавания и численности моряков. Принимал продукты и воду, нёс ответственность за их качество и хранение на корабле. По нормам распределял провиант между людьми, строго учитывал оставшийся запас и каждые несколько дней докладывал об этом капитану. Еще он закупал мундиры для экипажа, тщательно проверял, чтобы сукно и нитки были прочными. Ведь если люди на корабле хорошо одеты и сыты, то и болеют меньше, не умирают, а значит, цель плавания будет достигнута. Кроме прочего, на комиссара возлагались обязанности казначея. Он принимал и отвечал за сохранность ценных вещей и казны, выдавал денежное довольствие, вёл учетные таблицы. Эта служба требовала от человека внимательности, ответственности и порядочности.

Имя офицера Агафона Савельевича Чоглокова мало кому известно. Даже историки, пишущие об этих событиях, почти о нём забыли. Хотя комиссар Чоглоков один из очень близких к Берингу людей. Как следует из протокола заседания Адмиралтейств-коллегии от 5 марта 1733 года, капитан-командор лично просил, чтобы казначеем в экспедицию *«был определён от него комиссар Чоглоков»*.



МОРСКОЙ УСТАВ ПЕТРА ПЕРВОГО
«При возвращении в порт
должен комиссар отчет дать верный,
что истрачено, что осталось.
А ежели каким умыслом или корыстью
согрешит, то будет живота лишен»

Агафон Савельевич происходил из старинного дворянского рода, ещё со времен Александра Невского, проживавшего на Тверской земле. Чоглок – разновидность сокола. В XV веке один из предков обзавёлся таким прозвищем и пошли от него Чоглоковы – все статные, красивые, ловкие. И всегда служили Государю. Были стольниками, окольными, воеводами в разных концах Русского Царства. За верную службу одаривались поместьями в Торопце, Вышнем Волочке, Старице.

Маленького Афоню Чоглокова крестили в деревне Дворище Бежецкой пятины, в небольшой церкви имени святых апостолов Петра и Павла. В празднично одетой толпе родственников и знакомых никто и представить тогда не мог, насколько прочно с этими именами переплетётся судьба мальчика.

Как многие дворянские дети Агафон поступает в престижное учебное заведение – Морскую Академию в Санкт-Петербурге, где уже учится его двоюродный брат Пётр Чоглоков. После окончания Академии, служит на Балтийском флоте, а когда был объявлен набор русских офицеров во Вторую Камчатскую экспедицию, не раздумывая, записался добровольцем. На тот момент ему исполнилось 27 лет.

В марте 1733 года экспедиционные обозы тянулись по государственной дороге из Санкт-Петербурга в Тверь – на верфях этого волжского города будут построены первые речные суда для движения на восток. И командор Беринг, возможно, удивлялся обилию в этих местах Чоглоковых. В Торжке он, вместе со своим комиссаром Агафоном Чоглоковым, отобедал у воеводы Сергея Ивановича Чоглокова, а прибыв в Тверь, заключил договоры на поставку железных корабельных крепёжей, сделанных на старицких кузнях, с воеводой Старицы Чоглоковым Романом Ивановичем.

Мужчины Чоглоковы – яркие представители пассионариев. Они энергичны и деятельны. Им была не интересна благополучная и тихая жизнь в собственных поместьях. Вот и Агафону Савельевичу хотелось романтики дальних странствий, открытия новых земель, подвигов во имя Отечества и даже славы. Но в камчатской экспедиции этим желаниям не суждено

было сбыться. Произошло всё более прозаично: его подвигом на протяжении десяти лет стала ежедневная, необходимая, но однообразная, требующая крайней внимательности, работа, а ещё постоянное преодоление испытаний холодом, усталостью и болезнями.

В Охотске Агафон Савельевич Чоглоков был зачислен комиссаром на корабль «Святой апостол Павел», которым командовал Алексей Чириков, и в 1740 году отправился на Камчатку, в порт, названный в честь своих небесных покровителей – апостолов Петра и Павла.

Я уже рассказывал, как под командованием капитана Чирикова этот пакетбот достиг северо-западного берега Америки, о странном исчезновении там пятнадцати членов экипажа с двумя лодками, о трагическом возвращении корабля на Камчатку без возможности пополнить запасы питьевой воды.

В своих рапортах об этом плавании Алексей Чириков многократно с благодарностью отмечает штурмана Ивана Елагина: *«А в управлении судна остался один штурман Иван Елагин, да и тот был весьма болен, но по крайней возможности преодолевая свою немощь, почти несходно был для управления наверху, которому от меня только споможения было, что смотря счисления по журналу пути нашего, приказывал ему, какой иметь курс. И ежели б его не укрепил Бог, то скоро бы всему судну могло последовать бедственное несчастье. За искусство и многотрудие удостоил я его от флота в лейтенанты, потому что он не только лейтенантскую должность исполнял, но и всего судна правление на нем лежало».*

Замечательные слова достойному человеку. Однако при этом у меня лично возникает недоумение, почему, выражая благодарность Ивану Елагину, капитан Чириков совершенно не упоминает других членов экипажа. Читая его рапорты и написанные на их основе статьи современных историков, невольно представляется картинка: корабль в северном море, который ведут через шторма два смелых, обветренных как скалы, моряка: Чириков с циркулем и картой, и Елагин, крепко держащий штурвал.

Да, преодолевая цинготную слабость, Иван Фомич Елагин был на управлении пакетботом. Да, больной Алексей Ильич Чириков, уже не выходя из каюты, вычислял курс... Но, при всём их мужестве, этого недостаточно, чтобы судно XVIII века как-то двигалось вперёд, распределялось вахтенное дежурство, ставились и убирались паруса, замерялись глубины, бросались и поднимались якоря... И на корабле, даже при таком тяжёлом положении, соблюдалась строгая и жизненно необходимая военная дисциплина. А ведь это происходило не само по себе. За состояние жёсткого и мягкого такелажа отвечал шкипер Дмитрий Корастылев, за правильность исполнения матросами команд – боцманы Евдоким Фёдоров и Григорий Трубицын, за порядок на корабле – квартирмейстер Иван Честухин. А за тем, чтобы люди оставались живы и могли выполнять свои обязанности, следил комиссар Агафон Чоглоков.

Командир Чириков в рапорте пишет:

«Из-за скудости воды люди раз в неделю по одной каше варили, а шесть дней питались холодным. Воду только для питья употребляли, лишь жажду утолить... И за тем бережением осталось при входе в Авачинскую губу воды две бочки, которую уже выкипячивали из морской. От нужды в дождливые дни служители собирали текущую воду с парусов, поставляя ведра».

Алексей Ильич не считает нужным упомянуть того, кто ежедневно отмечал количество оставшейся крупы, масла и солонины. Кто смотрел за состоянием бочек, где хранилась драгоценная вода. Кто делил и раздавал продукты, следил за очередностью их приготовления на камбузе. Кто организовывал работы, чтобы собрать в ведра дождевую воду или в котлах выпарить морскую, а потом, со строгим учётом, распределял её между служивыми... Капитан Флота Чириков об этом не сказал. Скажу я: этим занимался комиссар Чоглоков. Для выполнения таких обязанностей в сложившихся обстоятельствах, ему нужно было обладать не только опытом, но и непреклонной волей. Представьте человека, которого многие недели мучит жажда и голод, но при этом он допущен к распределению продуктов и воды. Какой же стойкий характер надо иметь, чтобы

удержать себя от соблазна получить больше, чем другие. Но комиссар Чоглоков – офицер и понятие офицерской чести, от слова «честность», было и в те времена.

Агафон Савельевич, записываясь добровольцем в камчатскую экспедицию, мечтал о великих свершениях и географических открытиях, которые прославят род Чоглоковых... Мечты исполнились. Комиссар Чоглоков, глядя на берега Америки, стоял на палубе рядом с капитаном Чириковым, астрономом Делилем, штурманом Елагиным... Но, как и многих других членов экипажа пакетбота «Святой апостол Павел», его постигло незаслуженное забвение. Их имен нет на географических картах и улицах городов, им не поставлены памятники, о них не написаны научные статьи. Поэтому, рассказывая о комиссаре Чоглокове, я хочу напомнить обо всех забытых моряках. Ведь если бы не их ежедневный самоотверженный труд – подвиг, ставший привычным, мир мог бы никогда не узнать о героическом плавании к Америке русского корабля под командованием знаменитого теперь Алексея Чирикова.

Я рассказал о четырёх офицерах, которые работали рядом с Берингом. Командор им доверял, ценил, защищал от нападок. Это были люди одних с ним взглядов и принципов.

БЕРИНГ. ЧИРИКОВ. ШПАНБЕРГ. ВАКСЕЛЬ. ЧОГЛОКОВ.

Они разные, но их объединяют

**профессионализм,
верность воинскому долгу,
смелость,
сила духа,
чувство справедливости.**

«ОБРАТНАЯ СТОРОНА» ЭКСПЕДИЦИЙ

В этой главе хочу ответить людям (их, к сожалению, много), которые настаивают, что экспедиции Беринга имели не только позитивную, но и другую, трагическую, тёмную сторону, т.к. принесли народам Сибири и Дальнего Востока разорение и страдания. В доказательство приводят свидетельства в виде жалоб и доносов, но чаще заявляют голословно, что у местного населения забирали лошадей и подводы, отнимали у крестьян инструменты и провиант, насильно сгоняли мастеровых на строительство экспедиционных судов, под страхом наказания заставляли перевозить грузы.



КАРТА ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ С ЯКУТСКОЙ ПРОВИНЦИЕЙ.
1776 ГОД

Картину рисуют угнетающую: экспедиции двигались на восток, оставляя после себя голод, болезни и разрушение. Любимая ссылка в этих случаях на историка XIX века Петра Андреевича Словцова:

«Другой экспедиции столь огромной, столь торжественной, доньше не было через всю Сибирь, и дай бог, чтобы, из сострадания к краю бедному, впредь никогда не слышать знаменитости, столь разорительной» (П.А. Словцов **«Историческое обозрение Сибири с 1585 по 1742 год»**. Санкт-Петербург, 1886).

Не собираюсь спорить с уважаемым учёным, только считаю, что виновного в бедах он назвал неверно. Попробуем найти истину.

Остановить процесс развития общества невозможно. Человек так устроен, что всегда стремится изменить вокруг себя окружающую среду. Отстраиваются новые города, наводятся мосты, прокладываются железные дороги, ставятся нефтяные вышки, сооружаются космодромы... Любое активное созидание, стремление что-то усовершенствовать, обязательно нарушают чью-то привычную и размеренную жизнь. Да что говорить: даже, если под окном дома асфальтируют улицу, граждане пишут жалобы и ругаются на пыль и грохот машин. Правда, после завершения работ соглашаются, насколько удобнее теперь стало ходить и ездить.

Представьте медленно текущий в Сибири XVIII век: обветшалые крепости, тихие городки и печальные деревни, где, после стремительного продвижения землепроходцев, столетие ничего не менялось. В своих дневниках о путешествии по Сибири в 1734 году Иоганн Гмелин записывает: *«Жалобы на инертность и леность народа, о которых я говорил, повторились. Несмотря на то, что здесь трудятся разные рабочие, однако не получите ни одного более чем на световой день. Они не заботятся о том, что произойдёт следующим утром ... Во время нашего пребывания мы имели много подобных проблем... Даже продавца нелегко уговорить принести свой товар в дом – он ленится это сделать и скорее ничего не продаст, чем пройдет*

на десять шагов дальше. Я думаю, что эта неопиcуемая и нечеловеческая лень происходит от недорогого продовольствия, неумеренного пьянства и похоти. Мужик, имеющий 4 копейки капитала, две из них прогуляет с девками, полторы прокутит и половину копейки отдаст за еду».

И вот, в это сонное царство, врывается обновлённая Россия, поднятая Императором Петром «уздой железной на дыбы»: десятки подвод, сотни солдат, энергичные офицеры, которые что-то требуют и трясут за «грудки» ещё не протрезвевших воевод. Для строительства судов и перевозки грузов нужны дополнительные люди, для передвижения – лошади и подводы, для пропитания – мука, крупы, рыба, мясо. Местные начальники испуганы и недовольны. Они привыкли быть в своих вотчинах единовластными хозяевами, ни в чём себе не отказывающими. А тут гневный офицер со шпагой, тычет ему в нос Императорским Указом об оказании всяческого вспоможения экспедиции. Но работящие и мастеровитые мужики на пересчет – отдавать их жалко. Качественный лес, рабочих лошадей тоже хочется придержать для своих потребностей. И вот налицо конфликт интересов и нарастающее раздражение. Смысла масштабного похода на восток многие сибирские управители не понимают, видят в нём только лишнее для себя беспокойство и собственное, пусть незначительное, но всё же разорение. Экспедиция с её потребностями и требованиями злит. И отправляются в Санкт-Петербург доношения на офицеров: отняли, ограбили, учинили бедствие и голод! Но этими жалобами чаще просто прикрывают собственную лень, жадность, пассивность.

Воспользуемся советом краеведа С.И. Вахрина: *«Предлагаю почитать «Илимскую пашню» Вадима Шерстобоева, в которой рассказывается о том, какой ценой для Сибири-матушки и для самой Камчатки обошлись эти две Камчатские экспедиции»*. В действительности, если читать у доктора экономических наук Шерстобоева не одну главу «Снабжение Камчатской и других экспедиций», но и остальные, то каждый может убедиться, что морские офицеры, в самом деле, сильно потревожили сибирское начальство, а вот на простых людях

присутствие экспедиций Беринга мало отразилась – эта жизнь всегда была тяжёлой. Причина: неразумная региональная экономическая политика. Снабжение хлебом первой экспедиции Беринга происходило без проблем, но в 1728 году был принят закон, когда хлебным сбором, за использование земли, обкладывались в равной степени все сибирские крестьяне, не зависимо от района земледелия. Но на землях с неплодородной почвой уплатить сбор в 60 пудов оказалось невозможно. Хлебный долг с каждым годом возрастал. Вместо него брали скотом или заставляли чистить волоковые дороги. А самой тяжелой была транспортная повинность – ямская гоньба, а также работа на строительстве и подводке речных судов, когда крестьян надолго отрывали от своих хозяйств. Но всё это происходило и до экспедиции, и во время её нахождения в Сибири, и после. Закон о хлебном сборе, разоряющий сибирское крестьянство, был изменён только в 1773 году.

У Беринга и его помощников на руках Инструкция Сената от 16 марта 1733 года, которую нельзя не исполнить:

– найти в отдаленных сибирских краях руды и минералы, да *«заводы строить для довольства железом и железными припасами экспедиции»*;

– учредить почты через всю страну и путь *«до самой Москвы исчислить»*;

– картографировать неизвестные земли и *«какие будут во всей экспедиции деланы чертежи... присылать в Сенат»*;

– изготовить лодки, нанять лошадей и людей, чтобы перевезти до Охотска экспедиционный провиант. И дорогу туда от Юдомского Креста расчистить *«дабы можно было сухим путём санями или телегами с полными возами ехать»*.

Перечислена лишь малая часть работы, которую необходимо было провести на пути к морю. Но ни в каких Инструкциях и Указах не говорится, что это можно сделать любой ценой. И Беринг не устаёт повторять: *«озлоблений народу не чинить и ни во что противное Указу и Уставу не вступать»*.

«Смотреть накрепко, чтобы обиды тамошнему народу не чинили, чтоб впредь от них можно было в чём помощь получать».

Офицеры не имели права вмешиваться в деятельность уездных канцелярий, через которые осуществлялся наём людей и закуп провианта. Однако, наблюдая со стороны сибирскую жизнь, видели много нелепостей в распоряжениях местного руководства. И пытались исправить ситуацию хотя бы рекомендациями:

«Остроги и слободы нас просили..., чтоб для крестьянской льготы провиант с их подводами не посылать, а взамен перевозу принять у них собственной муки. В чем мы предусмотрели Её Императорского величества пользу».

«Для народной льготы вместо зимнего перевозу определить сделать плоты».

«В покупке соли здешние обыватели имеют великую нужду... А Илимская канцелярия к народной потребности смотрения не имеет, только одна варница построена. Надлежит при Усть-Куте у соляного озера построить три варницы».

Однако, местные управители настолько медлительны и нерасторопны, что порой проще и быстрее было провести работы собственными силами: *«Лес будем заготовлять и барки делать команды нашей плотниками и кузнецами».*

Экспедиция шла через Сибирь: строила, закупала, перевозила. Ежедневно отправлялись в Санкт-Петербург письма, отчеты, рапорты, ведомости... Но ни в одном документе вы не найдете слов «отняли насильно» или «заставили бесплатно работать». Везде речь идёт только о покупке и найме: *«за доставку сухарей просят подрядчики от 97 копеек за пуд, за муку по 60 копеек»; «уездным людям, кто выбраны к возждению почты, назначены прогонные и повёрстные деньги»; «прислано иркутских плотников – 28, кузнецов – 15, денежное и хлебное жалованье им выдано».*

Конечно, в столь тяжелой и длительной дороге всё случилось: сгнивали подмокшие на дожде сухари, переворачивались на порогах или застревали среди льда дощаники с мукой и крупой, не подвозили вовремя фураж, что приводило к гибели лошадей. Осенняя распутица, сильные морозы,

болезни служивых замедляли продвижение отрядов и задерживали доставку продовольствия. Наступали полуголодные дни. Офицеры, на основании Императорского Указа о помощи экспедиции, обращались к местным властям. Однако воеводы придумывали всяческие способы и отговорки, чтобы избежать дополнительных хлопот и расходов. Из рапорта Шпанберга от 6 ноября 1733 года: *«Работные люди просили им выдать муки, хотя бы по полуосмине на человека, объявив, что без этого они в работе дойти не могут. Но в провианте был недостаток и требовал я от енисейского воеводы, чтоб работным людям выдать на пропитание денег по 40 копеек человеку. Но воевода требование не исполнил и тех денег не выдал».*

Не получая обещанное вознаграждение, оголодавшие мужики бежали с работы. Воеводские канцелярии отправляли за ними служивых: нарушителей вылавливали, заковывали в колодки, сажали в тюрьмы. Семьи оставались без кормильцев... Страдали при этом обычные люди? Конечно. Но разве виновны в их несчастьях Беринг и его офицеры? Может быть, всё же причина в корыстолюбии и равнодушии местных чиновников?

Несмотря на все препятствия, экспедиция продолжала медленно, но упорно двигаться вперёд. Вопреки непониманию и противлению сибирских властей и благодаря силе и терпению простых сибиряков.

«Тем больше чести для участников экспедиции, для сибирского крестьянства, что в этих условиях экспедиция не погибла в зародыше, что она достигла результатов, поразивших мир» (Доктор наук В.Н. Шерстобоев «Илимская пашня» (Иркутск. 2001)).

Что касается народов новооткрытых земель – иноземцев, то в Инструкциях и в Указах, как для первой, так и для Второй Камчатской экспедиций не раз подчеркивается: *«в том отдалённом крае ясашных иноземцев, не допуская разорения приветствовать, ... чтобы такую ласкою и приветством всех можно было привести под самодержавную руку Её Императорского Величества добровольно».*

Однако, как реагировать на повторяющуюся в некоторых книгах мысль о том, что первая экспедиция Беринга привела аборигенное население Камчатки к обнищанию, голоду и спровоцировала бунт камчадалов в 1731 году:

«В бытность свою на Камчатке Беринг сосредоточил в своих руках управление полуостровом, и этот период был для камчадалов одним из наиболее тяжелых моментов за все время господства там русских».

«Камчадалы были оторваны для работ по перевозке экспедиции в период лова рыбы и охоты, и таким образом и люди и собаки остались совершенно без корма. Обещанное Берингом освобождение от ясака также не было проведено в жизнь».

«Прибытие на Камчатку экспедиции ухудшило положение камчадалов. Кроме постоянных поборов появились транспортные повинности».

«Экспедиции Беринга сопровождалась повсеместными волнениями туземцев».

«Возможно, что одним из поводов к восстанию 1731 года были непомерные тягости, возложенные на камчадалов экспедицией Беринга».

Это выдержки из статей и книг советского периода. Но в то время писатели и журналисты свои материалы о расширении границ государства на восток всегда подсвечивали «страшными для народа условиями царизма... необходимостью грабежа туземцев ради наживы» и обязательно заканчивали статью приблизительно такой фразой: «Мечты лучших людей науки об освоении Северного Ледовитого океана только в условиях диктатуры пролетариата стали действительностью!»

Вопросов не возникает, если такие обвинения и выводы делались в Советском Союзе середины XX века. Но какая сила заставляет повторять то же самое современных независимых исследователей, которым доступны все архивы и которых не контролирует идеологическая цензура?

«Первая камчатская экспедиция покинула Камчатку, оставив после себя недобрую память и глухую ненависть

ительменов, хозяйство которых было разорено из-за их массового отвлечения на принудительные экспедиционные работы» (А. Смышляев «Популярная История Камчатки от древности до 1917 года» (Петропавловск-Камчатский: «Новая книга», 2015)).

«Экспедиция Беринга оказалась непосильной нагрузкой и для русских, и для камчадалов ...Ущерб местной экономике был столь велик, что начались волнения» (Стивен Боун «Северная экспедиция Витуса Беринга» (Москва: Эксмо, 2019)).

«Экспедиция Беринга стала для камчадалов большим бедствием. Собаки были собраны со всех поселений, большинство из них погибло. Население надолго осталось без единственного в то время домашнего животного, разорилось. Люди, занятые перевозкой грузов, упустили зимнее время звериного промысла. Непомерное бремя, возложенное Берингом на камчадалов и их собак, стало одной из причин (может, главной) восстания 1731 года» (О.Б. Широкий. Статья «Наши северные собаки», 2017 г.).

Что же получается? Офицеры нарушали Императорский приказ «никакого свирепства не показывать и жестокостью не поступать»?

В третьем десятилетии XVIII века Российская Империя укрепила на полуострове, который вошёл в подчинение Якутской воеводской канцелярии. Именно Якутск направляет на Камчатку служивых людей, назначает им жалованье, принимает отчеты, доношения, разбирается с жалобами. В научных публикациях численность коренного населения на полуострове, в начале XVIII века, оценивается в 10–12 тысяч человек, а в долине реки Камчатка от 5 до 7 тысяч. В ценнейшем документе, в «Сборной ясашной книге», в 1724 году «ясашных плательщиков» насчитывалось 5138.

150 казаков живут в трёх острогах: Большерецком. Верхне-Камчатском и Нижне-Камчатском. Будни в острогах тоскливые, однообразные. Единственное служение: несение караула у ясашной избы. Казаки развлекаются игрой в карты,

делают самогон из «сладкой травы», охотятся, рыбачат и собирают государственный ясак. Он составлял одну шкурку лисицы или соболя с «*ясашиного иноземца мужского пола*». В добавление к этому сдавали «беляк» – подарок «белому царю» (шкура бобра или росомахи, или десяток горностаев, или черно-буряя лисица). Но приказчики, комиссары и даже рядовые служивые, направляемые на Камчатку не для постоянного проживания, а на несколько лет, стараются успеть обогатиться. Как результат: сбор тройного ясака и порабощение камчадалов за мелкие долги. «*Сверх ясаку забирают у них сладкую траву, ягоды и сарану... Также, когда забирают ясак сборщики, то для своей бездельной корысти берут от них сильно кухлянки, сети и баты*» (Из рапорта Беринга от 11 июля 1728 г.); «*...По ненасытному своему лакомству не имел уже меры в грабеже, хищении и мучительстве... Таким образом, награл он в краткое время такое богатство, которое превосходило двугодовую ясашиную казну по всей Камчатке...*» (Из книги Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки»).

Такой образ жизни постепенно приводит некоторых казаков к нравственной деградации. Об этом наглядно свидетельствует случай, произошедшей на Камчатке в 1729 году, когда у берегов потерпело крушение японское торговое судно. На борту было 17 человек. Люди обрадовались встрече с камчатскими жителями, надеялись на помощь. Но по приказу казачьего пятидесятника Штинникова 15 японцев было зарублено, в живых остались только раненый одиннадцатилетний мальчик и старый купец. Зачем такая жестокость? Крашенинников объясняет: «*Штинников всё что ни было, себе взял... японцев захолопил и со всею той корыстью в Верхний острог поехал, надеясь пользоваться варварством приобретенною добычею*» (Из книги Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки»).

Недовольство местного населения поборами нарастает. К тому же, летом 1727 года ход нерестовой рыбы на западном побережье был небольшой, заготовить её в достаточном количестве камчадалы не смогли, и со страхом ожидали зиму.

Но есть ли вина в этом природном явлении экспедиции Беринга, пришедшей в Большерецк в начале сентября?

Изначально корабли экспедиции хотели обогнуть Камчатку и морем дойти к Нижне-Камчатскому острогу. Но погода была скверной: «...Желали, чтоб идти вокруг Носу, но токмо препятствовали жестокие ветры противные с дождем... и место неизвестное, никто прежде с такими судами не бывал» (Из рапорта Беринга от 11 мая 1728 г.).

В команде находился очень опытный мореход, Кондратий Машков, который ещё в 1720 году бывал в этих местах вместе с экспедицией геодезистов Евреинова и Лужина. От него Беринг мог получить информацию о страшных осенних штормах, об опасных проливах у мыса Лопатка, а ещё о том, что с западного побережья на восточное можно добраться по земле на батах и собачьих упряжках. Поэтому руководитель не стал рисковать экспедиционным грузом и отказался от морского перехода к Нижне-Камчатску. Шитик «Фортуна» и ладья вошли в устье реки Большой. На берег было выгружено 3000 пудов снаряжения и продовольствия, которое требовалось перевезти через полуостров.

За это решение Витуса Беринга уже два века попрекают словами историка морского флота Василия Берха: «Почему не поплыл Беринг из Охотска прямо в Авачу или Нижне-Камчатск? Ежели б он так поступил, то выиграно было б два года времени, и бедные камчадалы не должны были перевозить все тяжести поперёк всей Камчатки» (В.Н. Берх «Первое морское путешествие россиян...» (Санкт-Петербург, 1823 г.)).

На все упрёки отвечает одна короткая фраза адмирала Российского Флота Алексея Ивановича Нагаева: «Надобно полагать, бессмертный мореплаватель имел особые причины, которые нам вовсе не известны».

Давайте обратимся к самым надёжным архивным источникам: «Журналы бытности в Камчатской экспедиции. 1725–1730 гг. мичмана Чаплина и лейтенанта Чирикова». В этих документах, по дням, в цифрах расписано количество

перевозимого груза, нанятых иноземцев, ботов, собачьих упряжек, пройденное расстояние. Перечисляются и происходившие события, в том числе трагические. Два дисциплинированных военных моряка, независимо друг от друга ежедневно ведут записи, точность которых не подвергается сомнению, т.к. за любые недостоверные сведения в таких журналах офицеры привлекались к военному суду.

Итак, экспедиция в Большерецком остроге. Беринг обращается, как и предписано Инструкциями Адмиралтейств – коллегии и Указами Сената, к местной власти за батами и упряжками для переправки материалов и провианта: осенью по воде, а зимой на собаках. Приказчики в смятении: впервые за их бытность на Камчатке появляется человек, которому они вынуждены подчиняться. Тихий Большерецк буквально вскипает от работы. На 30 батах в сентябре отправляют к Верхне-Камчатскому острогу три сотни пудов груза, в октябре туда же пошли еще 14 батав со 150 пудами. Но к концу октября, все подводчики уже возвратились в Большерецк. И в ноябре–декабре, в благоприятные месяцы для охоты на соболя и лисицу, ясашные иноземцы к работам в экспедиции не привлекались.

Перевозка грузов на батах. Осень 1727 года

Острожки	Дата отправки	Дата возврата	Кол-во батав	Число иноземцев	Число служивых	Кол-во дней
Большерецкий – Ганалы* (129 вёрст)	19.09	21.10	30	60**	1	32
	11.10	28.10	14	-----	36	17
Верхний – Нижний (263 версты)	10.10	26.10	10	20	1	16
Всего задействовано			54	80	38	65

* Груз от Ганал до Верхнего острога (120 верст) был перевезен зимой на нартах служивыми с 26.01 по 02.05. Совершено 88 поездок.

** Утонул один человек при переворачивании бата.



ГРАВЮРА ИЗ КНИГИ
С.П. КРАШЕНИННИКОВА «ОПИСАНИЕ
ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ». 1755 Г.

С 14 октября экспедиционные плотники приступили к изготовлению десятков нарт. Дело в том, что в это время ездовое собаководство на Камчатке было развито слабо. Камчадалы на большие расстояния не ездили: их сани короткие, высокие и, соответственно, очень неустойчивы, а запрягалось в них по три-четыре собаки.

Такие нарты мало подходили для нужд экспедиции, поэтому решено было сделать собственные, более

удобные для похода. Также заготавливают на побережье почти 300 пудов китового жира для пропитания камчадалам, которых предполагали нанять на работу.

При найме каюров руководитель экспедиции сталкивается с проблемой: камчадалы не хотят так далеко уходить от своих юрт, для них это непривычно. Тем не менее, к 31 декабря несколько сотен ездовых собак сидят на вязках за оградой острога, и 4 января караван из 63 нарт отправляется из Большерецка к истокам реки Камчатка. Вперёд уходят шесть бродовщиков на лапках-снегоступях, по их следу, дружно налегая на лямки, тянут сани камчатские ездовые. Через несколько дней, по уже проложенной дороге, пошли еще 50 упряжек.

Но как же удалось приказчикам уговорить камчадалов оставить дом и пойти в далекое для них путешествие? Тут историки дружно выдвигают свою версию: Беринг пообещал освободить иноземцев от ясака.

«Беринг распорядился не брать ясаку с тех камчадалов, которые состояли при экспедиции» (Л.С. Берг «Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. 1725–1742» (Ленинград: Главсевморпути, 1935)).

«Руководитель Первой Камчатской экспедиции оторвал, не задумываясь о последствиях, местных жителей от промыслов... Он пообещал, что эта их работа зачтется им за ясак за два года. Клялся данной ему властью» (С.И. Вахрин «Потомки остроклювого бога» (Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018)).

«Беринг, как старший, обещал за работу снять на год ясачную повинность и известил об этом якутские власти» (И.А. Сенников «К неведомым берегам двух океанов» (Москва: Руда, 2021)).

«Хитрый датчанин Беринг решил проблему обманным путем. Он пообещал тем, кто поспособствует в перевозке людей и грузов, освобождение от царского налога шкурами на три года!» (Интернет 2025 г.).

При этом не приводится ни одного документа, который бы подтверждал подобное обещание Беринга. Таких записей в архивах нет. Кроме того, всеми вопросами, касающимися сбора ясака, занимались комиссары, посланные Якутской воеводской канцелярией, и руководитель экспедиции не имел полномочий самостоятельно назначать или отменять ясак. Пообещать что-то камчадалам могли только приказчики, которым надо было быстро и без проблем решить транспортный вопрос. Поэтому, с большой долей вероятности, щедрое обещания звучали в избытке. Веря им, камчадалы не оказывали ни малейшего сопротивления, отправляясь из своих стойбищ на работы:

«Прибыл солдат Пётр Копатилов и привёл 67 человек каюров из улусов подсудствия Верхнего острога»... «На следующий день прибыл матрос, привёл каюров 17 человек» (Из журналов мичмана Чаплина и лейтенанта Чирикова).

То есть, десятки молодых мужчин сопровождал лишь один служитель из команды Беринга. Камчадалам расправиться

с ним, при необходимости, не составляло труда, но люди верили словам приказчиков и скрываться в лесах не собирались.

Но разве ответственен за ложь местных властей руководитель экспедиции?

Беринг из Нижне-Камчатска, в мае 1728 года, докладывает в Адмиралтейств-коллегию:

«При перевозке материалов и провианта ясажным иноземцам никакой большой тягости от нас не было, понеже они ясаки свои заплатили прежде, а вспоможение им было в пропитании китовым жиром, который мы приготовили в Большерецке, также и табаком».

Однако историки настаивают на катастрофе:

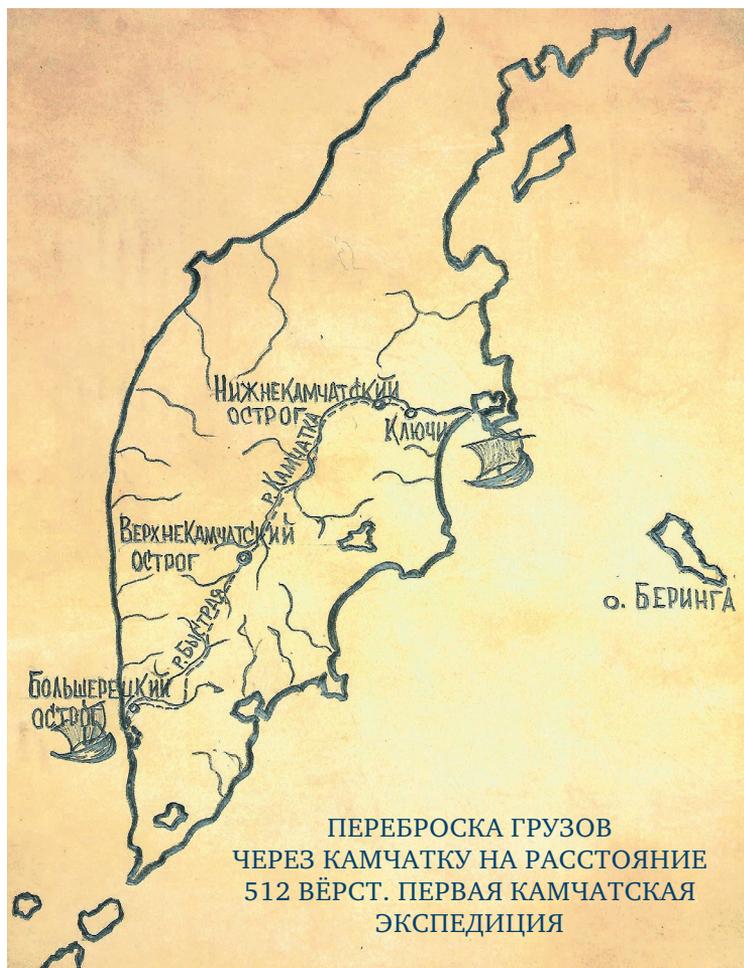
«Большая часть собак подохла от продолжительных и тяжелых работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов... Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам» (А.С. Сгибнев «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг.» Морской сборник, №№ 4–8. 1869 г.).

«Для несчастных камчадалов экспедиция Беринга была сушим адом. Со всех селений были собраны собаки. Так что население осталось без перевозочных средств. Кроме того, камчадалы, занятые перевозкой грузов, упустили удобное время для звериного промысла. Большая часть доставленных собак погибла, так что и на будущее время собственники их были разорены» (Л.С. Берг «Открытие Камчатки и Камчатские экспедиции Беринга. 1725–1742» (Ленинград: Главсевморпути, 1935)).

«С экспедицией было связано и другое бедствие для камчадалов – почти полное истребление ездовых собак, и так немногочисленных из-за бескормицы. В нарты часто впрягали меньше собак, чем полагалось, а загружали их больше обычного. Ослабленные животные гибли сотнями» (Е.Г. Кушнарев «В поисках пролива» (Ленинград: Гидрометеиздат, 1976)).

Так был ли на Камчатке ад, бездна зла и бедствие во время экспедиции Беринга?

Маршрут доставки грузов от Большерецка до Нижне-Камчатска был поделен на два этапа: первый – 249 вёрст до Верхнего острога; второй – 263 версты от Верхнего в Нижний острог. На каждом из этапов работали камчадалы, живущие в прилегающих районах. Никто не гнал жителей западного побережья на восточное и наоборот. Старались не использовать иноземцев на работе более месяца подряд. Поэтому страшные рассказы, что полгода люди были оторваны от своих домов и хозяйственных дел, лишь результат недобросовестного отношения к архивным документам.



При переходе в Верхний острог собак берегли, кормили рыбой хахалчой и нерпичьим жиром, а в сутки проезжали в среднем 20 вёрст. Груз в санях достигал 5 пудов (примерно 80 кг, т.е. по 20 кг на собаку – абсолютная норма даже в современном ездовом собаководстве).

25 января первый караван упряжек из Большерецка прибыл в Верхне-Камчатск, нарты разгружены, а каюры сразу отпущены. *«Поутру иноземцев, которые были в подводах, отпустили всех по домам»* (Из журнала мичмана Чаплина от 26 января 1728 г.). Продуктов в остроге мало, поэтому Беринг оставляет там только членов команды и необходимых мастеров, при этом прилагает всяческое *«старание в пропитании служителям и мастеровым людям, которые при работе»*, покупает для них оленей у оленных коряков, выдаёт *«работным людям»* муку.

В середине февраля из Большерецка казаки на 30 упряжках, а местные каюры на 19 упряжках снова привозят в Верхний острог экспедиционный груз. В то же время, для продолжения переброски, из Нижне-Камчатска приходит большой караван порожних нарт. В Верхнем начинается работа: грузы перекаладывают на прибывшие сани, и друг за другом они отправляются в двухнедельное путешествие. 23 февраля уходит 48 нарт, 24-го – 19, 25-го – 14. Второго марта выезжает Беринг с обозом из 13 нарт. В общей сложности за неделю к Нижнему острогу пошло 94 упряжки. Больше каюры на этом участке не использовались.

К началу весны снежный путь от Большерецка до Верхнего острога отлично накатан, день удлинился, морозы спали, основная охота на пушного зверя завершается и в марте переброска груза входит в самую активную стадию. Два весенних месяца собачьи упряжки курсируют по знакомой утрамбованной дороге и, даже с грузом, преодолевают 250 вёрст всего за 7–10 дней.

Зимний период работы на собачьих упряжках 1728 год

Острожки	Дата отправки	Дата возврата	Кол-во нарт/ собак	Число иноземцев	Число служивых	Кол-во дней	
Большерецкий – Верхний (249 вёрст) + возвратный порожний рейс	04.01	11.02	63/252	69	2	38	
	11.01		22/88	22	1	31	
	14.01		29/116	29	1	28	
	13.02	07.03	19/76 31/124	19	1 31	21	
	05.03	26.03	40/160	64	40	21	
	22.03	12.04	39/156		39	20	
	26.03	15.04	15/60		15	20	
	28.03	17.04	64/256		1	20	
	29.03	18.04	8/32	8	8	20	
	09.04	29.04	16/64	67	16	20	
	14.04	04.05	5/20		5	20	
	17.04	07.05	67/268		20	1	20
	22.04	07.05	20/80		1	16	
	Верхний – Нижний (263 версты)	23.02		48/192	48	1	10
24.02		19/76		19	1	10	
25.02		14/56		14	1	10	
02.03		13/52		5	8	10	
Всего за зиму задействовано людей				376	173		

Привезённое в Верхний острог экспедиционное снаряжение и продовольствие, под караулом солдат, дожидается вскрытия реки Камчатка – как только это произойдет, его на 47 батах и 5 плотах начнут доставлять в Нижне-Камчатск. Для работы на реке были задействованы 102 камчадала. 30 подводчиков были набраны из Верхнего острога, а 72 иноземца за десять дней поднялись на порожних батах из Нижнего Острога.

Сплав с грузом на батах в среднем продолжался 4 дня.

Перевозка грузов на батах. Весна 1728 года

Острожки	Дата отправки	Дата прибытия	Кол-во батов	Число иноземцев	Число служивых	Кол-во дней
Верхний – Нижний (263 версты)	03.05	09.05	5	10	2	6
	11.05	17.05	10	20	2	6
	17.05	21.05	16	32	2	4
	26.05	30.05	6	12	1	4
	11.06	15.06	10	22	2	4
	10.06	15.06	5 (плоты)	6	5	5
Всего задействовано людей				102	14	

Весной 1728 года иноземцев, подчиняющихся Нижне-Камчатской Приказной избе, небольшими группами привлекают также к строительству корабля. Первое упоминание о привлечении местного населения появляется в журналах 18 марта. Иноземцев используют в качестве подсобных рабочих и как каюров для вывоза на нартах строительного материала из леса к верфи. В общей сложности на верфь нанято 71 человек.

Весной местных каюров используют для транспортных работ. По снегу на собачьих упряжках, а в мае по воде несколько десятков человек перевозят груз от урочища Ушки до Нижнего острога (55 вёрст) и обратно.

В журналах Чаплина и Чирикова не раз сообщается, что для иноземцев батами доставляется хахалча, китовый и нерпичий жир. С начала мая по 8 июня иноземцы вместе со служителями ловят свежую рыбу для поставки рабочим, т.е. голодными Беринг людей не держал. Деньги на Камчатке были не в ходу и вместо них местному населению платили китайским табаком, который на полуострове пользовался большим спросом.

Девятого июня бот «Святой Гавриил» был спущен на воду, и все нанятые камчадалы отправились по своим домашним делам и на рыбалку.

Таким образом, в октябре 1727 года и с января по июнь 1728 года, при транспортных экспедиционных работах камчадалами было совершено 558 поездок продолжительностью от 10 до 38 дней (возможно, несколько поездок были не учтены при переезде Шпанберга из Верхнего в Нижний острог).

Камчадалы, нанятые экспедицией, в зависимости от своего опыта, возраста и здоровья работали разное время: кто-то отправлялся в одну длительную поездку на 3–5 недель, кто-то совершал несколько коротких выездов. Еще около 80 человек были задействованы на строительстве корабля. Получается, что, в среднем, число нанятых экспедицией иноземцев не могло превысить 400 человек. Эти люди не были оторваны от своих домов на полгода, они менялись, и каждый месяц у Беринга работало только по 70–100 человек. Вспомним, что число ясашных иноземцев в долине реки Камчатка 5000 и подумаем: может ли нанести «колоссальный экономический ущерб полуострову» наем экспедицией 100 работников в месяц? Кроме того, перерывы в графике зимних работ указывают на возможность охоты. Рыбалку камчадалы тоже не пропустили, т.к. были свободны уже с 9 июня, когда ход рыбы только начался.

Теперь о собаках, которые якобы составляли основу хозяйствования на Камчатке и «сотнями гибли во время непосильного перетаскивания экспедиционных грузов».

Друг за другом журналисты и краеведы твердят, выдавливая слезу у читателя:

«За зиму, загубив у местных жителей несколько сот ездовых собак, всеми правдами и неправдами всё же сумели перевезти почти все грузы в Нижнекамчатск» (Глеб Голубев «Колумбы россияне» (Москва: Советский писатель, 1989)).

«Сотни собак в долинах рек Большой и Камчатки, без которых немыслима была хозяйственная деятельность камчадалов, передохли, надорвавшись на перевозке этих грузов» (С.И. Вахрин. Статья «От Урала до Камчатки и Русской Америки»).



ГРАВЮРА ИЗ КНИГИ С.П. КРАШЕНИННИКОВА
«ОПИСАНИЕ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ». 1755 Г.

И впечатлительные люди, содрогаясь от ужаса, представляют теряющийся среди сопки снежный путь, усеянный по обочинам окоченевшими телами несчастных псов. Жуть.

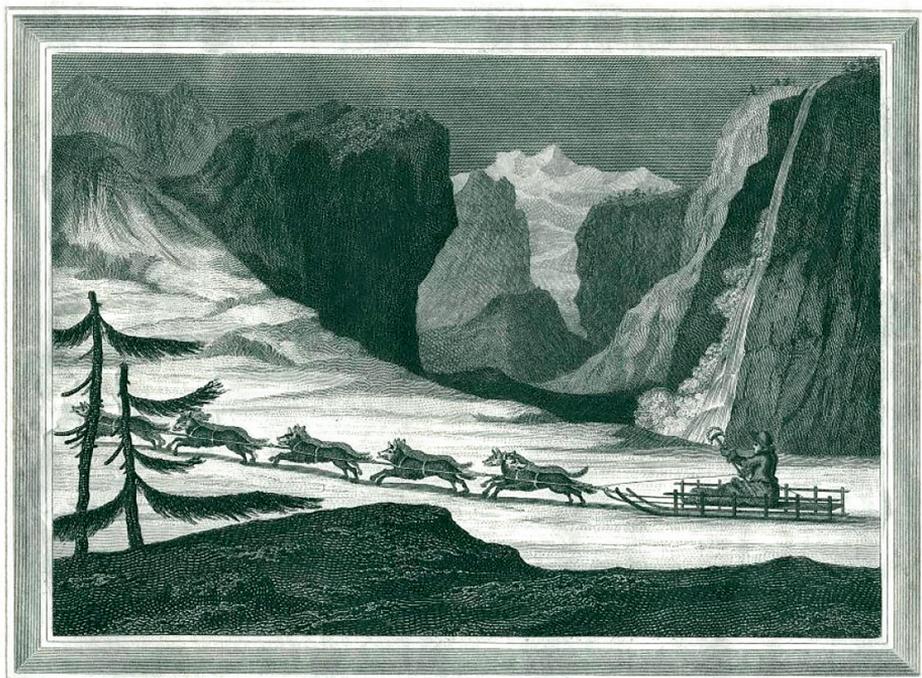
Я проехал тысячи километров на собачьих упряжках и, изучая журналы Чирикова и Чаплина, заметил, что скорость прохождения упряжками одних и тех же участков увеличивается от января к апрелю. От 22 дней до 8! Это возможно только при совпадении нескольких факторов: хорошая погода, накатанная снежная дорога и здоровые, подготовленные к нагрузкам ездовые собаки.

Отбросим в сторону эмоции и отнесемся к животным с точки зрения рациональности. Офицерам необходимо перевезти груз к морю. Единственное транспортное средство на Камчатке зимой – собачьи упряжки. Значит, чтобы выполнить задачу, их нужно беречь, т.е. собак кормить и не перегружать. И еще: если бы в самом тяжелом для путешествий месяце – морозном январе собаки «сотнями гибли», то собрать камчадалов для следующих перевозок было бы невозможно. Но они в феврале, марте, апреле приезжали в экспедицию добровольно

(вспомним: 60 человек сопровождал один служитель). Потому что среди народа быстро распространился слух: на работе у Беринга кормят и собак, и каюров, платят табаком, есть возможность выменять нужные товары у приезжих людей, пообщаться с друзьями и родственниками.

Но главное доказательство того, что слова о «погибших собаках» – выдумка, находим опять-таки в журналах Чаплина и Чирикова. Транспортировка груза – основная забота офицеров. Любое ЧП со средствами передвижения и ход экспедиции замедляется или вообще может остановиться. Поэтому в дорожных журналах тщательно фиксируется каждый инцидент с транспортом. Например, во время перехода от Якутска к Охотску, осенью 1726 года, мичман Чаплин отмечает не только гибель животных, но и любое, даже незначительное с ними происшествие: *«потерялась лошадь, которую найти не могли»*, *«не может идти, охромела ногою»*, *«бежали от нас две лошади, которых изловить не могли»*. Ничего подобного нет в записях зимой 1728 года. А, значит, никакого массового падежа собак не было, нарты с государственным грузом не вставали среди снегов, а упряжки не просто сохраняли хорошую работоспособность, но и с каждой неделей увеличивали скорость бега.

Еще одна фантазия по поводу хозяйственной деятельности камчадалов, которая, якобы, «была немыслима без собак». Вполне мыслима. В начале XVIII века ездовое собаководство на полуострове находилось в зачаточном состоянии. Длинные переезды и перевозка груза осуществлялась на оленях. А имеющих собак использовали для охраны стойбищ и при поездках на небольшие расстояния (5–10 км). Работа у Беринга на транспортировке грузов дала местному населению новые знания и способствовала распространению на Камчатке нарт сибирского типа – устойчивых, надёжных, в которые можно было впрягать больше шести собак и совершать дальние путешествия. Однако, прошло ещё несколько десятилетий после экспедиции, прежде чем упряжное собаководство, действительно, стало неотъемлемой частью хозяйственной жизни камчадалов.



ГРАВЮРА «СОБАЧЬЯ УПРЯЖКА НА КАМЧАТКЕ». 1800 Г.

К началу лета 1728 года Витус Беринг вникает в сложившуюся на Камчатке ситуацию: *«Лучшие иноземцы доносили мне словесно через толмачей, а многие и российским языком о своих обидах, что сверх ясаку забирают... от чего им немалая тягость и терпят голод»*. Пытаясь защитить камчадалов, он требует от местных властей справедливого отношения к населению: *«Подтверждаю письменно, чтоб комиссарам и управителям для своей бездельной корысти сами, также и позволения служивым людям не давали таких сборов сбирать с иноземцев и обид никаких им не чинить... А ежели кто такие непотребные сборы и обиды чинить будет, такие наказаны будут, как Указы Её Императорского Величества повелевают»* (**Объявление Беринга от 11 июля 1728 г.**)

Местные начальники от угрозы присмирели и наглый грабёж жителей, в период нахождения на полуострове военной экспедиции, значительно сократился.

Однако, после ухода с Камчатки команды Беринга в 1729 году, управители постарались восполнить упущенную выгоду. Поборы возросли втрое.

Виновата ли в бесчинствах комиссаров, подьячих и сборщиков военная экспедиция?

Камчадалы тихо роптали, но не знали, как противостоять. А вот тайон Фёдор Харчин придумал способ. Он был крещёным, хорошо говорил по-русски и в качестве толмача уже несколько лет помогал казакам при сборе ясака. Начальство его ценило и поэтому общие беды ительменов касались Харчина в гораздо меньшей степени. Однако, именно он начинает подбивать камчадалов на бунт: подговаривает убить казаков в острогах и самим захватить власть на Камчатке. Не все единодушно соглашались с Харчиным, но он ездит по стойбищам, убеждает, обещает и даже угрожает. Некоторые краеведы называют Харчина «ительменским Спартаком», но я бы сравнил его с Емельяном Пугачевым, поднявшим «бунт бессмысленный и беспощадный» ради богатства и ощущения собственной власти.

В июне 1731 года рыба в реки не зашла: *«сегодня 1731 году из моря в Камчатское устье и по Камчатке реке и по посторонним речкам рыбы недоход и кормов рыбных упромыслить не могли и питаются и служивые люди и иноземцы с великою нуждою маленькою рыбкой хахалчою»* (**Сообщение заказчика И. Крикова от 13 июля 1731 года**).

В это же время бот «Святой Гавриил», под командованием штурмана Якоба Генса, с военными на борту уходит из Нижне-Камчатского острога в устье реки Камчатки для следования к Чукотскому морю. В остроге остаются только казаки с женами и детьми. Более удобного случая для нападения не придумать. Из-за нехватки рыбы камчадалам грозит голод, поэтому подстрекания Харчина перебить ненавистных сборщиков ясака, разграбить в русских острогах амбары с продовольствием, для многих теперь звучат привлекательно.

20 июля 1731 года ительмены захватили Нижне-Камчатский острог, убили казаков, надругались над их жёнами, замучили

детей, пожгли дома, разгромили склады. Бунтовщики под предводительством Харчина *«нарядились в платья казаков, том числе и в женские, а иные в священнические ризы, отправляли великое торжество по обыкновению в объедених, пляске и шаманстве»* (Из книги Степана Крашенинникова «**Описание земли Камчатки**»).

К счастью, «Святой Гавриил» не успел выйти в море и с него, для умирения восставших, присылают 60 служивых. Два дня они упрасивают и уговаривают камчадалов сдаться, чтобы избежать смертоубийства. Но захватчики острога только насмехались и ругались с крепостных стен. А их, опьяненный кровью и лёгкой «победой», предводитель Харчин озвучил реальную цель своего предприятия: *«Я комиссаром Камчатским буду, буду сам ясак собирать, а казаки здесь не надобны!»* Вот и всё что стояло за его красивыми призывами к свободе и рассуждениями о гордости ительменов.

Виновата в этом бунте Первая Камчатская экспедиция?

Ительменское восстание было жёстко подавлено. Два года шло «розыскное дело» и разбирательство в причинах.

Из показаний участников бунта:

«Брали с нас на один год по два ясака и по три».

«Кроме ясака берут себе по три или четыре лисицы или соболей».

«Берут с нас жён и детей под заклад».

«А летнею порой собирают с каждого человека вязки по три-четыре юколы».

«А ежели юколы нет, берут по лисице, а ежели лисицы нет, то последние с нас паркы и кухлянки».

«Да еще собирают с нас гусей, уток. А уток по пятидесяти с человека».

«А зимой приказчики посылают сбирать с нас рыбу».

«А летом посылают нас в кормовую пору по дрова себе».

«За иными своими прихотями летом не дают промыслить рыбного корму, а зимой зверя».

«Бьют нас батогами насмерть».

Ни один из десятков допрошенных не винил Беринга и участников экспедиции в своих несчастьях.

В мае 1733 году Правительствующий Сенат вынес решение:

«— ...Измена учинилась от несносных обид комиссарских с подчиненными их...

— ...Её Императорское Величество указала одних пущих заводчиков казнить смертью, а прочих от смертной казни освободить, потому что народ дикий и причину к бунту имели от озлобления своих управителей...

— ...Чтоб тамошний народ о казни знал, при них такую казнь учинить. И съехавшимся ясашикам объявлять через толмачей, что казнь эта учинена за обиды к ним, разорения и излишние сборы...

— ...Объявить тамошним народам, их князцам и прочим ясашикам, что отправлены особые люди, сыщики, которые будут разыскивать виновных в разорениях и обидах, и не только разыскивать, но и смертью казнить, а все лишние сборы и пограбления отыскивать и возвращать...» **(Решение Сената по расследованию преступлений сборщиков ясака против народа Камчатки и по предотвращению подобного впредь от 18 мая 1733 года).**

Ни один из следователей не увидел взаимосвязь между деятельностью экспедиции и разорением ясашных иноземцев.

Так почему присутствуют такие обвинения у современных «сыщиков»?

«Бог высоко, а царь далеко» – издавна говорили на Руси. В XVIII веке эта поговорка была особенно актуальна для отдалённых российских регионов. Прошло несколько лет, и страшные события 1731 года начали забываться. Камчатские начальники успокоились и принялись за прежнее: «Царь далеко...»

Беринг, прибыв на Камчатку во второй раз, в 1740 году, с горечью говорит, что жизнь местного населения не улучшилась за прошедшие десять лет:

«Земля от простых казаков управляется, которые пьянству весьма преданы. Ни одного мастера в школе не имеется,

никакого суда не показуется и кабаки в великом беспорядке. Во всей Камчатке токмо один священник, которой тоже пьянству весьма предан. Хотя по всемилостивейшему Ея Императорского Величества указу с новокрещаемых камчадалов на 10 лет контрибуций брать не повелено, однако же, не взирая на оное, они поныне не увольняются, и крещаящиеся с некрещеными равные контрибуции платят...» (Из письма Беринга к Остерману, 1740 г.).

Витус Беринг, как христианин и добросердечный человек, искренне переживает за камчадалов. Говорит, что находятся честные люди, которые пытаются рассказать правительству правду, но «доношения или забвению предаются, или же в дороге теряются». Капитан-командор сокрушается, что ни прежде, ни сейчас не имеет права помочь камчатским жителям: «Я бы и хотел об отвращении помянутых беспорядков и о поправлении Камчатки постараться, однако по присланному в 1737-м году указу, мне велено ни в какие дела, не касающиеся экспедиции, не вмешиваться».

И, тем не менее, Беринг всё же вмешивался «в дела не касающиеся экспедиции» и старался защитить камчадалов от произвола местечковых властей. Историк Борис Полевой в статье «Открытие русскими Авачинской губы и история основания Петропавловска-Камчатского» (Сборник «Камчатка», 1989) подтверждает:

«Показательно, что когда на Камчатку прибыли участники второй Камчатской экспедиции, они – особенно Витус Беринг и Георг Стеллер – приняли непосредственное участие в борьбе против тех, кто совершал насилие над камчатскими ительменами».

Уважаемые журналисты, писатели, краеведы,
упрекающие экспедиции Беринга в разорении Камчатки
и бунте 1731 года, ваши нападки не имеют оснований.

Обвинения, не подтвержденные фактами,
трактуются, как оговор.

Contra factum non datur argumentum.

ЭПИЛОГ

Однажды, после выступления на одной научной конференции, меня вдруг упрекнули, что в своем сообщении я использовал устойчивое, но, якобы, не соответствующее истине, словосочетание: «**Великая Северная экспедиция**».

– У нас научная конференция! – было сказано мне. – А потому нельзя допускать путаницы в терминологии! Великой Северной экспедиции никогда не существовало! Была: Вторая Камчатская.

Серьезное обвинение. Действительно, можно ли термин «Великая Северная экспедиция» использовать как альтернативное название грандиозного похода Беринга?

Когда же закрепилось за экспедицией слово «великая»? И является ли оно антинаучным?

Еще современники Беринга говорили об экспедиции в самых возвышенных эпитетах, неоднократно повторяя «ВЕЛИКАЯ»:

«Самая дальняя и трудная, и никогда прежде небывалая!» – сказал в 1732 году о предстоящем географическом мероприятии обер-секретарь Правительствующего Сената Иван Кириллович Кириллов.

«Самая великая и, из-за множества злоключений, самая тяжелая!» – восклицает в своем дневнике Георг Стеллер.

«Великое предприятие! Его высокие задачи обеспечили ему бессмертие! Легко понять, что более удивительного и восхитительного замысла, требующего такого огромного оснащения и так много времени, во всем мире не намечалось» – написал профессор Иоганн Георг Гмелин.

Но мои оппоненты не унимались.

– Ну, ладно, – говорили они. – Откуда появилось слово «великая» понятно. Но протез «Северная» приделан искусственно и не отражает географической направленности похода!

И правда: не отражает. Впрочем, как и слово «камчатская». В середине XIX века Александр Петрович Соколов сказал, что узконаправленное название «камчатская экспедиция»

не подходит к величию замысла и исследовательскому охвату огромной территории: от Архангельска до Японии и северо-западных берегов Америки. Может быть, поэтому название «Великая Северная экспедиция» предложил в 1820 году мореплаватель и учёный Гавриил Андреевич Сарычев. Хотя он считал, что так говорить нужно лишь о северных морских отрядах, работавших от Архангельска до Чукотки, но название прижилось. И первым, в отношении всей экспедиции, словосочетание «Великая Северная» применил немецкий географ Фридрих фон Гельвальд в книге «В области вечного льда», опубликованной в 1881 году.

Это наименование настолько точно характеризовало масштаб, географию и значение для потомков этого грандиозного предприятия, что с тех пор данный эпитет начали повсюду использовать, как синоним официальному названию «Вторая Камчатская»: в книгах, документальных фильмах, на открытках, значках, марках, в виде надписей на памятниках мореплавателям и даже в научных статьях. А слово «великие» на полном основании применяют к людям, участвовавшим в беспримерном походе.

В XVIII веке военные экспедиции, выполняющие государственное задание, несли на окраину России новые знания о мире и новую веру. Морские офицеры сначала обозначили на карте, а затем скрепили страну едиными границами, законами, языком. Именно благодаря экспедициям Беринга жители России XXI века в Санкт-Петербурге... Перми... Якутске... Петропавловске-Камчатском ощущают себя одним народом.

Каждый год в десятках российских городов проводятся мероприятия, посвященные первой и второй экспедициям Беринга. Но обратите внимание на названия этих событий:

– В Твери, откуда под командованием капитан-командора Беринга ушли на восток первые отряды, разработан проект «Великая Северная экспедиция. От Твери до Тихого океана»;

- Пермский край стал инициатором большого международного проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции»;
- Республика Саха реализует программу «Великая Северная экспедиция: открывая прошлое – создавать будущее»;
- На Дальнем Востоке проводится историко-географический проект «Пути великих свершений».

Правильно говорят: время рассудит, расставит всё на свои места. Оно и расставило. «Великая экспедиция», «великие люди» – не просто название, а признание современными россиянами заслуг первопроходцев XVIII века.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Вредная мифология	6
Капитан-командор Витус Беринг	
Как же он выглядел	26
Человеческие качества	29
Анна Матвеевна Беринг	34
Почему именно Беринг выбран руководителем первой экспедиции	38
Обвинения в измене	43
Кто инициировал Вторую Камчатскую экспедицию?	46
Заслуженно ли Беринга почитают в России?	49
Датский или российский мореплаватель?	52
Лейтенант Свен Ваксель	55
Капитан Флота Мартын Шпанберг	63
Капитан Флота Алексей Чириков	76
Комиссар Агафон Чоглоков	86
«Обратная сторона» экспедиций	92
Эпилог	118

*Автор благодарит
за помощь в издании книги:*

Общественную палату города Твери.
Председатель Вадим Борисович Рыбачук.

Тверское региональное отделение
Всероссийского общества охраны памятников
истории и культуры.

Российский государственный архив
Военно-Морского флота.

Иванова Валерия Анатольевича –
член РГО, краевед, исследователь биографий участников
Второй Камчатской экспедиции.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ИСТОЧНИКИ:

- Бахерахт А.Г. «Практическое рассуждение о цинготной болезни» (Санкт-Петербург. 1786).
- Ваксель Свен «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга»; (Ленинград – Москва: Главсевморпуть, 1940. Перевод Ю.И. Бронштейна).
- «Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1730–1733. Морские отряды» (Москва: Памятники исторической мысли, 2001).
- «Вторая Камчатская экспедиция. Документы 1734–1736. Морские отряды» (Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009).
- Гмелин Иоганн «Путешествие через Сибирь» (Гёттинген, 1751. Перевод Е.Е. Панюхиной).
- «Журналы Первой Камчатской экспедиции о путешествии от Санкт-Петербурга и Камчатки и открытии Берингова пролива 1725–1730» (Санкт-Петербург, 2012).
- Крашенинников С.П. «Описание земли Камчатки» (Санкт-Петербург, 1755).
- Охотина-Линд Н.А. «Капитан-командорша. Сибирская экспедиция Анны Кристины Беринг» (Журнал «Родина» № 8. 2003).
- Панюхина Е.Е. Доклад «Камчатская ездовая. Вчера. Сегодня. Завтра» (Проект «Колесо обозрения». Петропавловск-Камчатский, 2024).
- Российский государственный архив ВМФ, Санкт-Петербург.
Фонд 212 (Государственная Адмиралтейская коллегия).
Фонд 216 (Канцелярия капитан-командора В.И. Беринга, капитана А.И. Чирикова, капитана первого ранга П.К. Креницына).
Фонд 180 (Комиссариатская экспедиция при Адмиралтейств-коллегии).
- «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов» (Москва: Наука, 1984).
- Словцов П.А. «Историческое обозрение Сибири с 1585 по 1742 год». (Санкт-Петербург, 1886).
- Стеллер Георг «Путешествие от Камчатки к Америке с капитан-командором Берингом» (Санкт-Петербург, 1793 / Москва: ПАН, 1995. Перевод Е.Л. Станюкевич).
- Федорова Т.С. «Встречи с историей. Северная Пацифика глазами исследователя; сборник статей» (Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2011).

Сергей Панюхин

АДВОКАТ БЕРИНГА

Иллюстрации из общедоступных ресурсов интернета

ISBN 978-5-6053128-9-5



ООО «ТФП»,
1700006, Тверская обл., г. Тверь, Беляковский пер., 46.
Тел./факс (4822) 35-32-13, тел. (495) 255-33-12
www.t-f-p.ru

Подписано в печать 20.03.25.
Тираж 100 экз.
Заказ № 2828